

18+

Нина Стожкова

КУРЬЕР ИЗ «СТРАНЫ СОВЕТОВ»

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Нина Стожкова
Курьер из Страны Советов

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Стожкова Н.

Курьер из Страны Советов / Н. Стожкова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Девяностые годы XX века. На обочине шоссе найден труп фотографа журнала «Страна Советов» Ивана Кузнецова. Вскоре добровольно уходит из жизни его жена Вера и погибают два сотрудника того же издания. Двадцатые годы XXI века. Цепочка смертей неожиданно продолжается. Лина Томашевская, когда-то работавшая в журнале «Страна Советов», догадывается: жизни людей забирают «деньги партии». Лина понимает: в одиночку ей не раскрыть опасные преступления и зовет на помощь друга... Все имена вымышлены, все совпадения случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Ленинградское шоссе,	5
середина девяностых	5
Юго-Запад столицы,	6
наши дни	6
Утренние новости,	9
наши дни	9
Наш человек в Париже,	11
середина восьмидесятых	11
Дом Художника,	13
середина девяностых	13
Арбат,	15
наши дни	15
Звонок в «Актуальную газету»,	17
наши дни	17
Интернет знает все,	19
наши дни	19
Первый советский глянец,	21
середина восьмидесятых	21
Детство на экспорт,	22
конец восьмидесятых	22
Двор в центре Москвы,	24
середина восьмидесятых	24
Редакция санаторного типа,	26
середина восьмидесятых	26
Любовник Сильваны Помпанини,	29
середина девяностых	29
Болото застоя и ветер перемен,	33
середина восьмидесятых	33
Дедушка, девушка и Психея,	36
середина восьмидесятых	36
Аэропорт Шереметьево,	38
Середина восьмидесятых	38
За Берлинской стеной,	39
конец восьмидесятых	39
Колосс на глиняных ногах,	42
конец восьмидесятых	42
Особняк в центре Москвы,	43
конец восьмидесятых	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Нина Стожкова

Курьер из Страны Советов

Ленинградское шоссе,

середина девяностых

Пенсионер Алексей Кузьмич Чмырев ехал по Ленинградскому шоссе так, словно это была не федеральная трасса, а переулок в центре столицы. Сказать «мчался» было бы явным преувеличением, скорее «крался». «Девятку» Чмырева обгоняли джипы «чероки», «вольво» и «БМВ», но пенсионер и не думал притопить педаль газа.

«А куда торопиться? – размышлял Алексей Кузьмич. – Устраивают, понимаешь, гонки. По телеку говорят, детки-мажоры, мол, «в шашки» играют. По мне, так с жиру бесятся. Не понимают, дурни, что у всякого Ангела-хранителя есть предел терпению. Хорошо, если только себе башку разобьют, а то других, невинных, за собой на тот свет утащат. Ну, а я... А что я? На небо за идиотами не тороплюсь».

Внезапно внимание Чмырева привлек вишневый «форд». Машина стояла на обочине без аварийных знаков и зажженных фар. Подъехав ближе, пенсионер заметил, что задняя дверь распихнута настежь и из нее свисают какие-то тряпки.

Алексей Петрович затормозил, заглушил мотор и вышел из автомобиля.

«Йокарный бабай!» – прошептал Чмырев. Только сейчас он заметил, что это никакие не тряпки, а тело немолодого мужчины. Труп вывалился из двери головой вперед, и издали казался тряпичной куклой, набитой синтепоном. На бледном лице мертвеца, мужчины лет шестидесяти, застыла маска боли и ужаса, редкие, с густой сединой, волосы прилипли ко лбу. Рука, коснувшаяся асфальта, выглядела восковой.

Пенсионер поначалу хотел затащить труп в машину и придать усопшему позу поприличнее, но взглянул на коснувшуюся земли руку – и тут же отдернул свою. На руке незнакомца блестели часы, которые ему, пенсионеру, были явно не по карману. Ботинки на ногах умершего тоже выглядели неприлично дорогими – особенно с учетом того, что их хозяин был мертв.

Сгоряча Алексей Кузьмич, слышавший в молодости стилигой, подумал: а не снять ли «котлы» и «шубы» с трупа, затем по-быстрому нырнуть в свою машину, газануть и смыться. А что? Кто узнает? На шоссе – ни души. Делов-то – слинять по-быстрому, выжав в кои-то веки из «жигуля» максимальную скорость.

Однако природная осторожность Чмырева взяла верх над алчностью.

«А вдруг кто-то заметил, что я здесь? – лихорадочно соображал пенсионер. – Вон там кусты, а рядом забор. Может, этот «кто-то» спрятался и сейчас за мной наблюдает. А если он успел вызвать ментов, и те уже мчатся сюда? Не исключено, милиция прибьет с минуты на минуту...». В общем, демон-искуситель, если он, конечно, существует, на сей раз потерпел сокрушительное поражение.

Чмырев отбросил мысли о мародерстве, запрыгнул в машину и рванул с места, забыв про осторожность. Мобильных телефонов у российских граждан тогда, в середине девяностых еще не было, телефонов-автоматов на том участке шоссе не наблюдалось, так что выход из неприятной ситуации был один. Чмырев доехал до ближайшего поста ГАИ и сообщил дежурным о страшной находке.

Юго-Запад столицы,

наши дни

Лина выкатилась из переполненного автобуса на остановку и в ту же секунду почувствовала, как ветер пробирается под легкую куртку, а холод покусывает пальцы рук и хватается за ноги, словно глупый щенок.

«Допустим, прогноз погоды в последние дни безбожно врал. Но это не повод одеваться в конце ноября, как в бабье лето, – подумала она с досадой. – Как там пела Верка Сердючка: «Жениха хотела, вот и залетела-лала-ла-ла!»

Огибая редких в этот час прохожих, Лина припустила трусцой к подземному переходу, вдыхая морозный воздух через шелковый платок, натянутый на нос.

«Ну и колотун! – бормотала она на ходу, пытаясь отогреть заледеневшие руки в карманах легкой курточки. – Нет, все-таки в моем, увы, весьма не юном возрасте нельзя быть такой легкомысленной».

Мороз, как обычно, явился не вовремя, словно курьер, перепутавший время доставки. А тут еще и осень, как молодая бабушка с рыжими волосами, до последнего сопротивлявшимся седине, разбаловала москвичей, словно внучат, «плюшками» – долгим теплом, золотой листвою и нежарким ноябрьским солнцем. Москвичи, конечно, понимали, что скоро придется влезать в зимние сапоги, натягивать шерстяные шапки и неуклюжие пуховики, пихать в карманы перчатки, но до последнего оттягивали этот неприятный момент и бегали по городу налегке, дрожа вечерами от холода.

В тот день Лина, как обычно, накинула легкую курточку-«дутик», на шею намотала не шерстяной шарф, затолканный весной вместе с шапкой в самый дальний угол шкафа, а шелковый платок с бабочками, от которого тепла было не больше, чем от белых кроссовок, надетых на тонкие носки. В общем, не удивительно, что она рванула к подземному переходу, не глядя по сторонам.

– Зенсина, как позвонить в «скорую»? – перегородил дорогу парень в черной шерстяной шапочке, натянутой почти до таких же черных раскосых глаз.

– Надо набрать 112, – прокричала Лина на бегу, но, взглянув на парня внимательнее, притормозила. Незнакомец быстро набрал номер и сунул ей в руки смартфон.

– Ваш звонок очень важен для нас, – забубнил телефон нудным голосом.

Лина вернула парню телефон и уже собралась нырнуть в переход, но молодой человек цепко схватил ее за рукав.

– Ответьте, пожалуйста, «скорой», я пока еще не очень... по-русски, – парень вновь перегородил путь, чтобы пресечь попытку Лины смыться. Лина поднесла смартфон к уху, но оттуда по-прежнему монотонно предлагали ожидать соединения с оператором.

– А что, собственно, случилось? – поинтересовалась Лина, хотя этот вопрос следовало задать еще пару минут назад. Она повернула голову в том направлении, куда смотрел парень. Большое обмякшее тело, принадлежавшее немолодому мужчине, привалилось к тумбе у подземного перехода. Эти тумбы столичная мэрия установила несколько лет назад, после того, как у какого-то автобуса внезапно отказали тормоза, и он въехал со всей дури в подземку, передавив и покалечив кучу народу.

Тело у тумбы вяло зашевелилось, и Лина разглядела крупную седую голову мужчины и его красное лицо с белоснежной бородкой. Одной рукой мужчина опирался о тумбу, а другой пытался подтянуть брюки, упавшие до колен. Обувка у незнакомца, как и у Лины, была не

по сезону легкой, на тонкой подошве. Белый обнаженный живот и бледные, почти безволосые ноги мужчины выглядели жутковато, словно под лампами дневного света в морге.

– Бедный, не замерз бы, – сказала Лина, на секунду забыв о собственной легкой одежде.

– Звоните есе! – потребовал парень. – Селовек позилой, навелное, ему плохо. Он мозет замелзнуть.

– Не надо куда звонить! Я уже вызвала «скорую», они сейчас приедут, – раздался за спиной Лины звонкий женский голос. Лина оглянулась и увидела невысокую женщину лет сорока пяти. Женщина была одета в теплую куртку, на горло был намотан шарф, а на голове у незнакомки красовалась вязаная шапочка с огромным помпоном. В последнее время эти малышковые помпоны вошли в моду, и такие шапочки стали носить все особы женского пола – от пяти и до восьмидесяти пяти.

– Никуда не поеду! Да пошли вы с вашей больницей! – внезапно подал голос мужчина. Незнакомец нетвердо выговаривал слова, и «спасателям» стало ясно, что человек пьян.

– Ах так, не поедете? Тогда немедленно вставайте! – потребовала Лина. – Не та сегодня погода, чтобы рассиживаться на ледяном асфальте. Возможно, уже цистит с радикулитом заработали. Пить надо меньше!

– Успо-кой-тесь, дев-ки. Я в по-ряяя-дке, могу хоть щазз с вами «тын-тын» сделать.

Мужчина говорил с трудом, растягивая слова, икая и запинаясь. Видимо, погулял неплохо, во всяком случае, в этот день пил явно не лимонад.

– Какой уж там «тын-тын», – саркастически хмыкнула дама в шапочке. – В «скорую» смог бы залезть, вот твой план-максимум на сегодня. Эх, мужики-мужики! Набухают так, что штаны теряют, а потом из себя сексуальных гигантов корчат...

– Где же «скорая», черт побери! – перебила ее Лина, – этот лежачий «маньяк» скоро окоченеет от холода.

– Не волнуйтесь! Куда они денутся? На подстанции сказали, что по нормативам полагается 15 минут, чтобы доехать по вызову, к тому же, пробок уже нет, – бодро сообщила дама. – Ой, а вот и они! Слышите сирену? Ага, вон туда смотрите! Да, там, у перекрестка их мигалка моргает и крикает.

– Ну, я пошел, – внезапно объявил азиат, забирая у Лины свой смартфон. – Нам, мигрантам, лучше с насяльниками не встречаться. Где «скорая» – там и полиция...

Парень нырнул в подземный переход и исчез.

«Вот ведь, сколько народу пробежало мимо, а замерзающим пьяницей заинтересовались только этот азиат и вон та немолодая дамочка», – подумала Лина. Она вспомнила, как двадцать лет назад ее отец, умирая, лежал вот так же возле автобусной остановки, а прохожие, не оставиваясь, спешили мимо...

Лина и незнакомка решили дожидаться «скорую». Через пару минут машина тормознула возле тротуара. Из кабины выпорхнула молоденькая врачиха, а следом за ней вылез, кряхтя и вздыхая, фельдшер, похожий на артиста Семчева до похудения.

– Спокуха, ре-бя-та, я норм, – сказал пациент нетвердым голосом. – Посидел с Виталей и Лехой в ресторане, немного перебрал, вот и все дела

– Как вас зовут? – громко и отчетливо спросила докторша, следуя инструкции. Первым делом полагается проверить, не нарушено ли у пациента мозговое кровообращение и не перенес ли он инсульт.

– А вот это, де-виль-ка, не твое дело, – заявил мужчина. Он попытался опереться о тумбу и встать, но попытка с треском провалилась.

– Идти к машине можете? – спросила врачиха, профессионально не обращая внимания на грубость.

– А ты сама как думаешь? Говно вопрос! – расхрабрился незнакомец.

Внезапно голова его стукнулась о тумбу, рука безжизненно повисла, и стало ясно, что мужчина потерял сознание.

– Вы кто ему будете? – спросила врачиха Лину и даму в белой шапочке.

– Мы случайные прохожие, – отрапортовала Лина, – вызвали «скорую» и решили дожидаться вас, на всякий случай. Можем идти?

– Подождите, пожалуйста, пару минут, – попросила врачиха, – надо проверить его карманы при свидетелях. По инструкции полагается найти документы у пациента, найденного на улице

– Ого! Не удивительно, что товарищ хамит врачам. У него депутатские корочки! – сказала докторша и прочитала: – «Кузнецов Петр Иванович, депутат Государственной думы».

Врачиха взяла мужчину за руку, попыталась нащупать пульс и сказала другим, уже сухим и казенным голосом:

– Пациент Кузнецов скончался. Несите тело в машину.

Эти слова были обращены уже к фельдшеру.

Докторша помахала водителю, чтобы тот вышел и помог перетащить в салон «скорой» того, кто еще недавно был их пациентом, а теперь стал клиентом ритуальной службы.

– Ну все, женщины, спасибо за активную гражданскую позицию, вы свободны, – сказала докторша, повернувшись к Лине и к ее спутнице анфас. Она уже не казалась такой молоденькой, при свете фонаря можно было различить лучики морщинок и мешки под глазами. Видимо, смена была непростой, а тут еще этот свежий труп, разом ухудшивший статистику...

Дама в шапке решила задержаться на несколько секунд. Она сфотографировала смартфоном «скорую», затем труп пациента, уже помещенный в черный пакет и лежавший на носилках в ожидании второго грузчика, то бишь, водителя. В ответ на недоуменный взгляд Лины дама пояснила:

– Это для моих блогов в Фейсбуке и в Инстаграме. Не каждый день на твоих глазах человек умирает. Помещу с подписью типа «люди, будьте осторожны». Думаю, много лайков соберу.

Махнув Лине рукой, дама двинула к автобусной остановке.

Лина нырнула в подземный переход и отправилась домой, размышляя по дороге о том, что подобное происшествие вряд ли поможет быстро уснуть.

Она и впрямь долго ворочалась в постели, вспоминая все подробности вечернего инцидента и пытаясь изо всех сил забыть одутловатое, ярко-розовое, обрамленное седой бородкой лицо незнакомца, его обнаженный белый живот, мутный взгляд и хамоватые нетрезвые нотки в голосе. И все-таки, каким бы ни был этот мужчина, он не заслужил внезапной смерти на холодной улице. Такого бесславного конца никому не пожелаешь.

Утренние новости,

наши дни

Промаявшись в полудреме до семи утра, Лина встала, приняла горячий душ, включила радио и сварила кофе. Диктор читал новости профессионально-нейтральным тоном:

– Ночью на Юго-Западе столицы скончался от остановки сердца депутат Государственной думы Петр Иванович Кузнецов. Народному избраннику было 63 года. «Скорая помощь», которую вызвали случайные прохожие, не смогла вывести его из комы, хотя прибыла вовремя. До избрания в Государственную думу депутат Кузнецов являлся одним из акционеров нефтегазового комплекса.

Ни фига ж себе! Ну и новость! Так вот кого они с дамой в шапке вчера пытались спасти от переохлаждения, хотя спасать надо было совсем от другого...

Лина сделала большой глоток горячего кофе, затем встала и полила цветы на кухне и в комнатах. Надо было что-то делать, чтобы унять нервную дрожь и сосредоточиться. На душе было так мерзко, словно депутат умер не на улице, а у нее в квартире, предварительно заблевав коврик в прихожей.

Она вернулась в кухню и села допивать кофе. Радио продолжало работать. Ведущие утреннего шоу шутили, брали интервью у лидеров мнений, включали бодрые песни, стараясь помочь гражданам в огромных «человейниках» встать с кровати, сделать несколько глотков кофе с полузакрытыми глазами и отправиться на работу в транспорте, переполненном раздраженными пассажирами.

«Работа у большинства людей нелюбимая, зарплата маленькая, а тут еще кредиты, толкотня и ругань в транспорте, битва за лучшее место под солнцем... Неудивительно, что мужчины возраста 60+ умирают на улицах», – размышляла Лина с тоской, глядя на серый ноябрьский рассвет за окном, не предвещавший ни дневного солнца, ни тепла, ни приятных новостей. До предновогодних хлопот оставалась целая вечность.

Она встала, поправила картину, криво висевшую на стене, сделала пару энергичных наклонов и махов руками, чтобы успокоиться, и вновь села за стол. Передавали очередной блок новостей.

– Близкий друг Петра Кузнецова, пожелавший остаться неизвестным сделал заявление...

Диктор по-прежнему старался сохранять профессионально-нейтральную интонацию, однако по сдержанному ликованию в голосе Лина догадалась: ожидается сенсация. Тем временем радиоведущий продолжал:

– По словам близкого друга Петра Ивановича Кузнецова, пожелавшего остаться неизвестным, депутат недавно прошел диспансеризацию, которая не выявила серьезных проблем с сердцем. Кузнецов не злоупотреблял спиртным и никогда не пил алкогольные напитки в компании незнакомых людей. По версии все того же анонима, собутыльники, с которыми умерший был хорошо знаком, незаметно добавили в пищу или в напиток Петра Ивановича яд, спровоцировавший остановку сердца. В распоряжении спецслужб такие яды давно имеются. Несколько знакомых Кузнецова, также пожелавших остаться неизвестными, сообщили, что у депутата было немало врагов, в том числе, в спецслужбах, в связи с чем версия отравления не является фантастической.

«Кузнецов, Кузнецов...», – пробормотала Лина. Обычная фамилия, весьма распространенная на родных просторах, почему-то взволновала ее. Стоп! Лина тряхнула чашкой, и большая капля кофе выплеснулась на скатерть. Она промокнула лужицу салфеткой и вспомнила. Иван Кузнецов – ну, конечно! Так звали заведующего отделом фотоиллюстраций журнала

«Страна Советов», погибшего в середине девяностых при невыясненных обстоятельствах. Уж не сын ли Ивана Кузнецова тот умерший на ее глазах депутат? Нет, вряд ли. Это выглядело бы слишком странным совпадением. Впрочем, в жизни все бывает.

В «Стране Советов» Лина работала почти три десятилетия назад. С одной стороны, журнал был форпостом советской пропаганды для стран Запада, а, с другой, направленность издания предполагала, что сотрудники должны быть информированы о реально происходящих в мире событиях. Все это определяло довольно свободный, по сравнению с партийной прессой, стиль поведения.

Лина налила еще кофе и глубоко задумалась. Лента памяти стала разматываться стремительно, словно кто-то включил режим обратной перемотки. Советская эпоха, казалось, давно и безвозвратно, словно Атлантида, скрывшаяся в водах времени, начала всплывать в памяти Лины со всеми подробностями, словно все было вчера. День за днем, месяц за месяцем...

Наш человек в Париже, середина восьмидесятых

Иван Кузнецов выглядел моложе своих лет, хотя к концу горбачевской Перестройки приближался к семидесяти. Худощав, подтянут, ироничен. Говорили, что в шестнадцать лет Кузнецов пошел добровольцем на войну, участвовал в наступательных операциях, снимал фронтальную жизнь в десантных войсках и в штурмовой авиации. Старенькую, но надежную кинокамеру «Кинап» ему подарил легендарный кинооператор Роман Кармен. Кузнецов совершил десятки боевых вылетов на самолетах «Ил-2» и «Ил-10», во время которых одновременно был стрелком и кинооператором. Имел боевые награды. Одним словом, легендарная личность.

Так, как Иван Петрович, в Советском Союзе одевались только избранные. Дорого и элегантно, хотя и по-европейски сдержанно, без азиатских излишеств. Импортные рубашки, кокетливые шейные платки, подогнанные по фигуре пиджаки и брюки... Все это довершало образ западного дэнди, которому незнакомы длинные очереди к пустым отечественным прилавкам, утренняя толкучка в холодных автобусах – одним словом, унылый быт эпохи перестройки. Одежда Кузнецова была из другой жизни и из другой ткани – английский твид, египетский хлопок, индийский шелк, турецкая кожа... Немыслимую в то время роскошь Иван Петрович привозил из капстран, в которые наведывался с удивительным постоянством. Лина каждый раз робела под пристальным взглядом франтоватого заведомо фотоиллюстраций, члена редколлегии «Страны Советов» и старалась быстрее ретироваться на четвертый этаж, где располагалась детская редакция. Там все и одевались демократичнее, и общались друг с другом без всякого снобизма.

– Кузнецов опять во Францию собрался, – шипел фотограф Семен Людов, столкнувшись с Линой в коридоре. – Давно Париж его колхозную морду не видел! Жаждались, блин, Ваню Елисейские поля.

– Интересно, кому он в ЦК подарки из-за границы привозит? – задавал риторический вопрос другой фотокор, Валентин Мушаткин. Он вечно всем завидовал и подозревал каждого сотрудника «Страны Советов» в родственных связях с ответственными работниками ЦК КПСС. Кузнецова он давно взял на заметку и частенько сообщал Лине шепотом:

– Кто-то там, наверху, его персону явно лоббирует. Это ж надо, наше государство столько валюты на европейские прогулки этого бездарного фотика тратит! Где это видано – на выходные в Париж прокатиться... Нехило, правда? И хоть бы один толковый кадр из командировки привез, только тряпки и цацки для любовницы!

– Пожалели бы старика! Тяжело ведь аппаратуру по миру таскать, – притворно сокрушался фотограф Степушкин.

Помощник главного редактора Ирина Петрова, когда сотрудники пытались расспросить ее о Кузнецове, кокетливо улыбалась и демонстрировала очередной милый сувенир, привезенный фотографом из загранкомандировки: шейный платочек, красивую авторучку, дамский блокнотик или еще какой-нибудь симпатичный, ни к чему не обязывающий презент.

«Выпускают человека в Париж, значит так надо», – говорила она, на секунду оторвавшись от модного журнала, который обычно листала, снисходительно поглядывая на вопрошавшего.

Защитников у Кузнецова было немного. Большинство фотохудожников журнала «Страны Советов» думали примерно так же, как Людов, Мушаткин и Степушкин. Еще бы! Работы журнальных фотомастеров украшали престижные фото-биеннале, получали призы на международных конкурсах, лучшие работы отбирались для подарочных альбомов, которые вручали членам иностранных делегаций. И при всем при этом мэтрам доставались команди-

ровки лишь в «страны социалистического лагеря». Иван Кузнецов тем временем регулярно летал в европейские столицы, в страны Латинской Америки и в США, даже в Египет, что по тем временам было немислимой экзотикой.

В разгар перестройки, когда во всем мире зазвучало русское слово «glasnost», в моду вошли громкие разоблачения и «срывание масок». Редакция «Страны Советов» не осталась в стороне. Отдел фотоиллюстраций почти в полном составе подписал гневное письмо «наверх». Объектом разоблачений стал, разумеется, Иван Кузнецов. Несколько добровольцев отвезли депешу прямиком на Старую площадь, в экспедицию ЦК КПСС, где вежливые сотрудники в штатском принимали под расписку письма трудящихся. Поговаривали, что кое-кто из лучших перьев «Страны Советов» бескорыстно помог мастерам объектива и вспышки написать пламенный текст, затем отредактировал его и исправил стилистические и грамматические ошибки. Единственным условием, которое выдвинул неизвестный автор, была полная анонимность. В общем, о его имени всем оставалось только гадать.

Текст письма представлял собой типичный донос:

«Мы, фотокорреспонденты журнала «Страна Советов», являемся лауреатами престижных международных фотоконкурсов и постоянными участниками международных фотовыставок, – говорилось в письме. – Однако нам крайне редко удается выезжать в страны Запада, хотя там хорошо знают и высоко ценят наши работы. Между тем, малоизвестный в профессиональном сообществе Иван Кузнецов ежемесячно командирован руководством журнала в столицы европейских капиталистических стран и в страны Латинской Америки. Фотоработы Ивана Кузнецова не заслуживают того, чтобы государство тратило валюту на его вояжи по всему миру. Просим сектор печати ЦК КПСС разобраться в нездоровой политике, которую проводит руководство редакции».

И далее – десяток подписей.

Слух о письме, разумеется тут же расплозся по коридорам особняка и очень быстро достиг ушей начальства. В здании воцарилась такая гнетущая тишина, какая, наверное, бывает на фронте перед решающим сражением. Заместители главного редактора смотрели на всех сотрудников с подозрением и все чаще совещались за закрытыми дверями. Руководство журнала готовилось к наступлению на бунтовщиков. Лишь секретарь-референт главного редактора Ирина Петрова по-прежнему улыбалась, как Джоконда, а когда ее спрашивали про тайное письмо фотографов, поднимала глаза к потолку и пожимала плечами. После этого любопытствующие окончательно убеждались в том, что письмо фотографов в ЦК – не фантазии врагов Кузнецова, а самая настоящая реальность.

Как ни странно, письмо, грозившее стать настоящей «бомбой», в итоге не имело никаких последствий. Дальнейшие события перестройки, изменившие ход истории, отодвинули мелкие разборки репортеров на дальний план и постепенно забылись.

Эх, если бы пролетарии камер, вспышек и длиннофокусных объективов могли представить себе, какие задания выполняет Кузнецов в командировках и что ждет его впереди, они, возможно, не стали бы тратить время и нервы на борьбу с ветряными мельницами...

Дом Художника, середина девяностых

Лина явилась на вернисаж в Дом Художника в любимом темно-синем платье, которое оживляла длинная нитка белоснежных бус. Китайский, наскоро выращенный жемчуг, скрывавший под слоем перламутра довольно крупные бусины, казался в ту пору немислимой роскошью. Новые негодянты, торгуя скороспелыми драгоценностями и выдавая их за настоящие сокровища, заработали в те годы целые состояния. Да что там жемчуг! Скороспелые капиталы сколачивались на чем угодно. Те, кто в одночасье утратил все, люто завидовали нуворисам. Бывшие партийные функционеры намекали на контрреволюцию. Мол, все произошло как семьдесят лет назад, только наоборот. Теперь кто был всем, тот стал никем. То, что еще недавно являлось принадлежностью государства, а, значит, по новым понятиям, стало ничьим, стремительно исчезало, либо становилось собственностью выпрыгнувших, как чертики из табакерки, бывших комсомольских функционеров и теневых цеховиков из Закавказья. В одночасье исчез Советский Союз. Вслед за страной растворился журнал, который его прославлял – «Страна Советов». Прекратилось государственное финансирование, а новых учредителей для «советского глянца» не нашлось. Высококласные журналисты и фоторепортеры оказались без работы и разлетелись кто куда, как птицы, склевывавшие все зерно в опустевшей кормушке.

Сотрудникам детского журнала «Хоровод», где в то время трудилась Лина, повезло чуть больше. Просидев пару месяцев без зарплаты, они в последний момент влились со своим детищем в издательский дом «Преображение», который, по слухам, поднялся на вагоне бумаги, купленной Госпланом для ЦК КПСС. Вагон был послан в нужном направлении при помощи парочки предприимчивых партийных руководителей и дамы-чиновницы, рискнувшей и выигравшей в этой азартной игре. Бонусом для нее стала непыльная должность с хорошей зарплатой в новом издательстве, разжившимся дармовой цэковской бумагой.

Партийные издания, старые журналы... Да кого из серьезных людей они волновали в наступившие времена, когда в стране делились пироги куда масштабнее и аппетитнее! Одни заводы закрывались, другие скупались за сущие копейки на залоговых аукционах, новоявленные предприниматели запросто «прихватизировали» месторождения нефти, газа, ценных металлов... Недра больше не принадлежали народу, впрочем, как искусство и литература, поскольку билеты в театры и книги подорожали в разы. За пять-шесть лет страна стала совершенно другой, словно сбросила старую кожу. Новым хозяевам потребовались другие журналисты и писатели. Однако взять их было неоткуда, и старые «акулы пера» переобувались в воздухе, мгновенно становясь поборниками свободного рынка и жесткого капитализма. С тем же энтузиазмом, с каким они прежде писали о плановой экономике и общественной собственности на средства производства, обозреватели и очеркисты из почивших в бозе партийных изданий принялись прославлять свободную конкуренцию и преимущества частного предпринимательства.

Вскоре приподнялся железный занавес, и многие из прежних советских пропагандистов, тот же Вильям Пивзнер, о котором речь пойдет ниже, или Виталий Майданич, главред перестроечного журнала с огромным тиражом, оставили враз обнищавшую Россию и надолго отправились на критикуемый ими прежде Запад. Однако свято место пусто не бывает, и в образовавшиеся лакуны начали просачиваться новые технологии. Михаил Ходорковский и такие же шустрые, как он, бывшие комсомольские функционеры, повезли в страну персональные компьютеры. В первый же год прибыль от их перепродажи оказалась гигантской: сотни и тысячи процентов! Следом за компьютерами в РФ появилось еще одно техническое чудо – мобильные

телефоны, стоявшие в то время целое состояние. Нувориши научились с шиком доставать их из карманов в людных местах. Руку с неуклюжей и увесистой в ту пору «Нокией» «новые русские» держали на отлете и громко «перетирали по бизнесу», выдавая мягким «г» и диалектными словечками малороссийское провинциальное происхождение.

В середине девяностых фотографирование смартфоном было возможно лишь в сочинениях писателей-фантастов. В связи с этим профессия фотографа еще не канула в Лету и по-прежнему оставалась уделом избранных. Общество еще не рассталось с убеждением: хорошему фотокорреспонденту необходим свой особый угол зрения, попросту говоря, талант.

Не удивительно, что знаменитые фоторепортеры в девяностые были весьма востребованы и даже считались вполне обеспеченными людьми. Фотовыставки в те годы открывались чуть ли не каждую неделю. Знаковые события сменяли друг друга, и фотохудожники спешили запечатлеть в кадрах современную историю, которая вершилась на их глазах

Лине очень хотелось поздравить коллег с фотовыставкой «Прощай, эпоха!», повидаться с фотографами «Страны Советов», которых не видела несколько лет, узнать последние новости. Настроение было радостным и немного дурашливым, как всегда случается при встрече с давними друзьями.

– Ты уже слышала про Кузнецова? – спросил шепотом Семен Людов, явившийся на выставку одним из первых. В малиновом пиджаке и в лакированных ботинках с узкими носами он выглядел настоящим «новым русским». Людов рисовался перед Линой, махал перед ее носом огромной «нокией» и спешил поразить сногшибательной новостью.

– Два дня назад Кузнецова нашли на шоссе. Мертвым. Это еще не все. Труп был со следами пыток на теле! Представляешь? Но не это главное. Преступники ничего не взяли, прикинь! В общем, это не ограбление, старушка. Задницей чую, дела обстоят намного серьезнее.

– Если это не ограбление – то что? – еле выговорила Лина, чувствуя, как сердце от ужаса падает куда-то в желудок.

– Думай сама, – сказал Людов таинственным шепотом. И добавил с важностью: – Кто много знает, долго не живет.

Арбат,

наши дни

Лина тащилась к метро «Кропоткинская» по Староконюшенному переулку, проклиная все на свете: уставшие ноги, ледяной ветер, лужи, покрытые первой корочкой льда, а, главное, свою страсть к пешим прогулкам в любое время года. Вернее, это была не страсть, а суровая необходимость: Лина постоянно боролась с лишним весом, хотя в душе понимала, что эта битва заранее обречена на поражение. Уж очень она любила выпить на ночь чайку с чем-нибудь невообразимо вкусным, но, как назло, слишком калорийным. Зато какие прекрасные сны приходили после «тирамису» или мороженого с апельсинами!

– Женщина, вы вообще нормальная? – визгливый голос заставил Лину очнуться и резко затормозить. Поскользнувшись на застывшей лужице, она едва не шлепнулась возле ленты полицейского ограждения.

– А что, есть повод усомниться? – огрызнулась Лина. Она подняла глаза и запнулась. Молодая девушка в полицейской форме уставилась на нее так, словно Лина уже отсидела срок за особо опасное преступление.

– Вам что, персональную табличку перед носом повесить? – служивая барышня говорила на повышенных тонах и смотрела на Лину с чувством явного превосходства.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Лина. – Что случилось?

– Тайна следствия. Не задерживайтесь, женщина, проходите.

Лина взгляделась в лицо полицейской. Обычная девчонка, таких в Москве тысячи. Яркий макияж резко контрастировал со строгой формой офицера полиции. Волосы девушки скрывала форменная шапка-ушанка, однако шея была замотана легкомысленным розовым платочком в синий горошек.

Лина проследила за взглядом полицейской. На асфальте лицом вниз лежал крупный мужчина. Модная куртка и крутые кроссовки – больше ничего о погибшем пока сказать было нельзя. Установить в таком положении его возраст тоже не представлялось возможным. Один полицейский обводил тело потерпевшего мелом, другой обшаривал руками в перчатках ледяной асфальт вокруг него, а третий фотографировал все, на что указывал капитан полиции – человек с раздраженным и усталым лицом.

– Девушка, стоять на посту возле трупа, конечно, дело крайне увлекательное, но в жизни красивой молодой женщины, мне кажется, есть более интересные занятия.

Лина дружелюбно улыбнулась полицуменьше и, не дав опомниться, продолжала:

– Товарищ младший лейтенант, как только покончите со скучными формальностями, советую пробежаться по окрестным магазинам. Вчера как раз начались рождественские распродажи и повсюду объявили крутые скидки.

Информация впечатлила девушку, однако, стараясь держать лицо, страж порядка рявкнула строго, как на допросе:

– Адреса! Цены! Проценты скидки!

Лина дала четкую «ориентировку», и полицейская впервые взглянула на нее с уважением. Лицо девушки, несмотря на «боевую раскраску» оказалось молодым, симпатичным и пока еще без следов столичного равнодушия к всему, что лично тебя не касается.

– Я вообще-то из Смоленска приехала, – девушка говорила тихо, понимая, что в данный момент нарушает инструкцию. – Москву я пока плохо знаю, живу в общежитии на Юго-Западе. А вы можете показать мне эти магазины на карте навигатора в смартфоне?

– Легко! – откликнулась Лина. – Здесь все рядом. Вам надо туда, туда и еще туда. Ой, а можно я с вами постою, подожду, пока мужчину перевернут лицом вверх? – неожиданно для самой себя попросила Лина. – Я просто сгораю от любопытства, кого это среди бела дня в центре столицы уколошили. Судя по всему, человек не бедный, куртка-то вон какая... Похоже, стреляли в затылок?

– А кого сейчас заказывают? Конечно, богатых! – сказала юная полицейская со знанием дела. В ее голосе угадывалась гордость от того, что она допущена к тайнам следствия. – С бедных-то какой прок? Ни денег, ни шикарной недвижимости, ни бизнеса, который можно отжать...

Полицейские перевернули мужчину лицом вверх. Он выглядел лет на тридцать, не больше. Один из стражей порядка сунул руку в карман куртки убитого и достал служебное удостоверение.

– Максим Викторович Крохотов, – прочитал он. – Специальный корреспондент «Актуальной газеты».

– Да, Максим, не повезло тебе, – тихо сказала Лина. – Новый год и Рождество ты встретишь совсем в других мирах.

Лина подумала, что надо бы связаться со знакомыми из «Актуалки», узнать, кто еще в редакции специализируется на громких журналистских расследованиях. Смерть репортера расстроила и одновременно озадачила ее. Просто так в наше время на улице не убивают, да и услуги снайпера нынче стоят дорого. В общем, вопросов было больше, чем ответов, и Лина решила попытаться по своим каналам разузнать, кто мог «заказать» журналиста.

Звонок в «Актуальную газету»,

наши дни

Вернувшись с Арбата, Лина стянула в прихожей обледеневшую дубленку и промерзшие сапоги, энергично растерла ладонями окоченевшие пальцы, сунула ноги в теплые тапочки и двинула на кухню. Там она сварила кофе, кинула в любимую тонкостенную чашечку прозрачный кусок лимона и налила граммов тридцать коньяку в маленькую рюмку. Подумав, достала из кухонного шкафчика любимую шоколадку с орехами. Внутренняя дрожь прошла не сразу. Наконец кончики пальцев потеплели, внутренний ужас отступил, и Лина включила радио, чтобы не пропустить последние известия. Не терпелось услышать хоть что-то о парне, которого среди бела дня застрелили на Арбате. Электронные СМИ пока сообщили только о самом факте убийства, видимо, репортеры еще не успели разузнать подробности.

– Сегодня в центре столицы был застрелен известный журналист-расследователь Максим Крохотов. Причина убийства репортера до сих пор неизвестна. В редакции «Актуальной газеты», где работал Крохотов, сообщили, что сотрудник вел одновременно несколько серьезных журналистских расследований, и какое из них послужило причиной убийства, сказать пока сложно. Следователи Прокуратуры предостерегают СМИ делать преждевременные выводы. Не исключено, что причиной убийства журналиста явилось не профессиональное расследование, а его запутанная личная жизнь. Из анонимных источников стало известно, что супруга убитого Оксана Крохотова, узнав о том, что у мужа родился внебрачный ребенок, не раз угрожала Максиму расправой. Полчаса назад председатель Союза журналистов Андрей Андреев сделал официальное заявление: «Свобода слова в России в очередной раз находится под угрозой. Необходимо привлечь к работе лучших следователей, чтобы как можно скорее найти заказчика преступления».

Выключив радио, Лина набрала знакомый номер.

– Даша, привет! Ты как? Лично я в шоке, – честно призналась она.

– Мы все в ауте, – всхлипнула Даша. – Сидим в отделе и тупо квасим, хоть начальство и запрещает употреблять алкоголь на работе. Работать все равно не можем, нас буквально трясет. Шеф, правда, сегодня смотрит на пьянство сквозь пальцы, тоже ведь не зверь. Стопудово сам где-нибудь стресс снимает и одновременно размышляет об убийстве Макса. Нет, ты прикинь! Какой ужас! Ну почему именно Макс? Молодой, талантливый, фартовый... Впрочем, нет, уже не фартовый. А какой обаятельный мужик был? Тетки к нему так и липли. А что в итоге? Трое детей без отца остались. Жена Макса Оксана, говорят, детей к матери отвезла, а сама к следователям поехала. Ленка вообще лежит и молчит, в полном неадеквате. Их малышу еще года нет. К Ленке родная сестра отправилась, чтобы в чувство ее привести. Бойтся, как бы она руки на себя не наложила. У них ведь с Максом сумасшедшая любовь была, пожениться собирались. Оксанка развод не давала, все надеялась, что Макс перебесится. Теперь вот обе рыдают, хотя детей-то растить надо по-любому, хоть реви, хоть не реви. Вот что я тебе скажу. Лин. Макс был журналистом от бога, – продолжала Даша, всхлипывая, – никогда не халтурил, глубоко копал... Вот и докопался.

Даша наконец перестала сдерживаться и зарыдала в голос. Лина представила себе опухшие от слез ярко-васильковые глаза девушки, ее покрасневший аккуратный носик, дрожащий детский подбородок, тонкие пальчики, которые Дашка сейчас сжимает до боли, и от жалости к ней сама чуть не заплакала.

– Слушай, а чем таким опасным ваш Кроха занимался? Бандюки ведь даже снайпера наняли, чтоб уж наверняка, а это денежки немалые, – осторожно спросила Лина. – Могли бы и

подешевле способ изобрести. Например, избить в подъезде до полусмерти или автокатастрофу устроить. В первый раз им, что ли?

– Ой, Лин, молчи, ничего не знаю, – всхлипнула Даша. – Если честно, и знать не хочу. Без этих твоих подробностей страшно жить. Шеф с утра в полиции побывал. Думаю, нам ничего не расскажет, небось с него уже подписку взяли. Мы-то знаем, что Макса не просто так убили. Кроха время на фигню не тратил, брался за самые опасные темы, а потом «выстреливал» сплошными сенсациями. Начальство щедро платило ему, потому что скандальные материалы повышали тиражи «Актуалки», а заодно и число заходов на наш сайт. Знаешь, несколько дней назад мы наткнулись на Макса в соседнем баре. В пятницу, как обычно, завалились всем отделом туда расслабиться после трудовой недели. Типа снять стресс после очередных разборок у начальства. Пришли в «Вино и домино», а там Макс. Мрачный, как Штирлиц, сидит у стойки и в одиночку напивается. Мы такие: «О, привет, давай с нами бухать, чо сидишь, как не родной?!» А он – типа нет, ребята, отвалите, мне не до тусы. Буркнул, что впервые столько времени псу под хвост выкинул. Типа копал-копал и уперся в глухую стену. И еще сказал, что не ожидал встретить такое сопротивление спецслужб. Мол, это даже странно, ведь дело касается далекого прошлого. Тридцать лет прошло, прикинь? Мир изменился, карта Европы стала другой, люди без мобильных шагу ступить не могут, а они все еще боятся каких-то древних кагэбешно-цэковских разборок. Макс сказал, что силовики его откровенно отшивали и даже угрожали. Удивительно, что многие вещи эпохи «совка» у нас до сих пор засекречены. Наверное, спецслужбы боятся потерять лицо и потому упорно охраняют свои древние тайны.

– Например? – спросила Лина, стараясь придать голосу легкую наивность, чтобы не спугнуть собеседницу.

– А вот этого он не сказал, – тихо сказала Даша, помолчав секунду, и Лина поняла, что девушка лукавит. Даша явно что-то скрывала.

Интернет знает все,

наши дни

Лина сварила еще кофе и набрала в поисковике:

«Максим Крохотов».

Вскоре появилась короткая справка:

«Крохотов Максим Викторович, до недавнего времени штатный сотрудник «Актуальной газеты». Убит при невыясненных обстоятельствах. По неподтвержденным сведениям, готовил журналистское расследование о судьбе «денег партии» в девяностые годы».

Вот это да! Ну-ка, посмотрим, что расскажет интернет о другом человеке, тоже ушедшем на ее глазах из жизни.

Лина набрала в поисковике:

«Депутат Государственной Думы РФ Петр Кузнецов».

На экране возникли несколько файлов, в том числе, скандальный «Компра. ру».

«Депутат Государственной Думы РФ Петр Иванович Кузнецов, родился в 1956 году в Москве. Мать – художник-график Вера Кузнецова, отец – профессиональный фотокорреспондент Иван Петрович Кузнецов, ветеран Великой Отечественной войны. С 1943 по 1945 год Иван Кузнецов принимал участие в боевых действиях в качестве фронтового фотокорреспондента и кинооператора. После войны окончил ВГИК, работал в журнале «Страна Советов» заведующим отделом фотоиллюстраций с шестидесятых годов двадцатого века вплоть до его закрытия в 1992 году. Был убит в середине девяностых при невыясненных обстоятельствах. На условиях анонимности собеседники портала подтвердили, что Иван Кузнецов был курьером партии – возил деньги компартиям зарубежных стран. Через два года после его гибели добровольно ушла из жизни Вера Кузнецова».

Прочитав это, Лина почувствовала, как кончики пальцев холодеют, и по спине бегут противные мурашки. Так обычно случалось, когда она натыкалась на новость, не предвещавшую ничего хорошего. Сразу три странных смерти в одной семье! Почему мать Петра Кузнецова отбыла в лучший мир следом за его отцом? Впрочем, может, это и к лучшему – не узнала, что их сын Петр через много лет, как и его отец, ушел из жизни при невыясненных обстоятельствах. В любом случае, во всем этом было слишком много странностей. Почему друг покойного депутата не верит в сердечный приступ слуги народа? Кому понадобилось убивать Петра Ивановича через двадцать пять лет после расправы с его отцом? Какие тайны оба Кузнецова унесли с собой в могилу?

Сначала фотограф, затем депутат, потом репортер... Одно воспоминание пробуждало другие, и Лине на секунду показалось, что цепочке воображаемых картин из прошлого не будет конца. Пресловутые «деньги партии»! На деньгах коммунистов, хоть они в то время все поголовно были атеистами, явно лежало проклятие, каинова печать. Деньги, когда их слишком много, каким-то мистическим образом начинают творить зло, а денег у партии было не счесть – миллиарды на специальных счетах. После крушения советской власти эти толстые пачки и золотые слитки погубили немало людей, прикасавшихся к ним. В 1991 году из окон в Москве стали один за другим выпадать крупные функционеры ЦК КПСС, как раз те, кто имел непосредственное отношение к деньгам партии. Между прочим, к 1990 году в рядах КПСС состояло 19,5 миллионов человек. Все они регулярно платили партийные взносы, из которых складывалась казна КПСС. Немало денег приносило издание партийных журналов и газет, выходявших миллионными тиражами, существенные суммы поступали на счета КПСС из общественных организаций, больше всего – из Советского фонда защиты мира, куда принудительно перечис-

ляла деньги даже церковь, и время от времени сотрудники разных организаций передавали свой дневной заработок. При вступлении в партию людям объясняли: взносы идут на содержание партийного аппарата и на прочие партийные нужды. Информация о деньгах КПСС всегда была закрытой. Впрочем, как сообщал интернет, даже после крушения советской власти вопрос о деньгах партии слабо прояснился. После 1991 года оказалось, что партийных денег на счетах практически не осталось – все были вложены в недавно образовавшиеся кооперативы и частные предприятия. Партийная элита, видимо, неплохо подготовилась к смене власти.

Здравый смысл буквально кричал Лине в ухо:

«Не лезь, куда не просят! Да, депутат Петр Кузнецов умер на твоих глазах, ну и что? Где ты, и где он? Его отца Ивана Кузнецова двадцать пять лет назад отправила в лучший мир партийно-гэбэшная группировка. Возможно, те люди до сих пор живы, хоть и сильно постарели. Для ОПГ нет срока давности, она могла и с сыном Кузнецова посчитаться – за то, что тот принялся раскапывать это давнее дело. Возможно, причиной гибели депутата заинтересовался Максим Крохотов, и в итоге его застрелил снайпер. Впрочем, это тоже ничем не подкрепленная догадка. Какое отношение к журналисту имели деньги партии? Впрочем, если Макс заинтересовался причиной гибели депутата, то обязательно вышел бы на убийство Кузнецова-старшего, а, значит, и на те проклятые партийные «денежные средства»».

Лина почувствовала, что дрожит всем телом, словно гончая, взявшая след.

Вопросов было больше, чем ответов. Стало ясно, что без помощи Елисея Петровича Жукова, начальника следственного отдела полиции и давнего приятеля, не обойтись. Впрочем, вначале надо было попытаться восстановить в памяти эпизоды из далеких восьмидесятых, а потом навести справки про сына Ивана и Веры Кузнецовых, депутата Петра Ивановича Кузнецова, ушедшего в лучший мир на ее глазах. После того, как Петр Кузнецов умер на ее глазах, Лина не могла думать о нем отстраненно. Одним словом, следовало вначале основательно покопаться в прошлом, и лишь потом погружаться в день сегодняшней. В частности, узнать, за что застрелили репортера «Актуалки». Интуиция редко подводила Лину. Вот и сейчас она не просто подсказывала – настаивала на том, что эти смерти связаны между собой. Узнать бы только – как?!

Лина подлила себе еще кофе, плеснула немного коньяка в рюмочку, отломилась дольку шоколада и вновь, словно на машине времени, перенеслась в другую эпоху.

Первый советский глянец, середина восьмидесятых

Журнал «Страна Советов», в котором работала Лина с начала восьмидесятых и до 1992 года, так же разительно отличался от блеклых отечественных изданий, напечатанных на плохой бумаге, как Кузнецов – от советских мужчин в костюмах фабрики «Большевичка», в растянутых свитерах и в ботинках фирмы «Скороход». Первый советский «глянец» был ярким, приятным наощупь и ласкал взгляд читателя. Плотная мелованная бумага, множество прекрасных фотографий, сделанных лучшими фотохудожниками страны, отличный макет, не уступавший гляцевым западным изданиям, смелый дизайн обложек. На бескрайних просторах Родины подшивки журнала «Страна Советов» зачитывались до дыр. С одной стороны, там все было наше, родное, а с другой – незнакомое, яркое и чудесное, окрашенное талантом сотрудников редакции. Прекрасный образ Родины был правдоподобным мифом, плодом коллективных усилий пишущих журналистов, фотографов, ретушеров и художников. Не удивительно, что издание пользовалось любовью не только зарубежных, но и отечественных читателей.

Лина в те годы была молодой, бойкой и слегка романтической особой. Она любила летать в вертолете над самыми красивыми местами Советского Союза, который в то время был намного больше и монументальнее нынешней России. Правда, по ходу такого полета обычно приходилось держать за ноги очередного фотокамера, который самозабвенно вел съемку и легко мог вылететь в открытую дверь.

– Кадр с вертолета – всегда выставочный! – частенько похихатывал фотограф Людов. – Нашей родимой грязи сверху не видать, а просторы у нас – ого-го какие, знай себе снимай!

Семен Людов был крепким профессионалом и одновременно авантюристом, впрочем, эти качества у классных фотографов обычно совпадали. Лина вспомнила, как они с Людовым пробирались, надев белые панамки, в «Артек», чтобы сделать репортаж об отдыхе Саманты Смит. Эта американская девочка написала письмо Андропову с вопросом, хотят ли советские люди войны с Америкой. Андропов в ответ пригласил девочку вместе с родителями отдохнуть в международном лагере «Артек». Американскую девчужку охраняли и с воды, и с суши, аккредитации журналистов на территории лагеря практически не действовали, и им с Людовым пришлось притвориться пионервожатыми, хотя Семену на тот момент было уже сильно за тридцать...

Вернувшись из командировки, Лина обычно сразу бежала на работу: не терпелось посмотреть отпечатанные фотопробы, обсудить с фотографом общую идею фотоочерка, придумать варианты заголовков и подписи к снимкам.

– Ох, Линочка! Отдохнула бы денек, никто бы без тебя тут не умер.

Ирина Петрова, референт главного редактора Николая Груздачева, всегда останавливала пробегающую мимо Лину какой-нибудь шуткой или вопросом. Петрова любила перекинуться парой слов с сотрудниками, чтобы быть в курсе событий. Лина знала, что разговор выльется совсем не в «пару слов», поскольку каждый раз помощница Главного въедливо расспрашивала про очередную командировку. Дескать, что снимали, где бывали, как себя вел фотограф. Она словно не болтала с Линой по-женски, а снимала показания. Лина норовила под любым благовидным предлогом смыться от любопытной секретарши и отправиться на верхний этаж, где располагалась их развеселая детская редакция.

Детство на экспорт,

КОНЕЦ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Журнал для детей «Хоровод», куда Лина попала волей судьбы и случая, внешне выглядел не хуже «Страны Советов». С самого начала основатели журнала в ЦК КПСС решили: «Хоровод» должен печататься в России. Пусть на Западе увидят, что мы тоже, понимаешь, не лаптем щи хлебаем! Для него были закуплены в ГДР ролевые печатные машины, позволявшие хорошо передавать краски и мгновенно выплевывавшие огромный тираж, который затем рассылался по всему миру. Иностранцы – «носители языка», работавшие в издательстве «Прогресс», денно и нощно переводили тексты «Хоровода» не только на английский, французский, немецкий, но даже на хинди, венгерский и монгольский. Особенно доставал редакцию вездливый кубинец, переводчик на испанский, который на свой лад правил Чуковского, Маршака и других классиков, а литературные сотрудники пытались хоть немного унять его страсть к улучшению наших знаменитых поэтов.

Впрочем, все это были мелочи, не мешавшие сотрудникам детского приложения наслаждаться жизнью. «Наверху» отлично понимали: журнал, пропагандирующий счастливое советское детство, обязан быть хорошо изданным, красивым и ярким. Главное – привлечь внимание зарубежных детей и их родителей и заставить взрослых платить за новое советское издание твердой валютой. Издание было детским приложением к «Стране Советов», курировалось ЦК КПСС, и валюта шла на специальные партийные счета. Сотрудники журнала были зарплатой не обижены, что не могло не радовать коллектив в целом и Лину в частности. В редакции «Хоровода» работало больше десяти человек, так что служебными обязанностями сотрудники особо обременены не были.

Неожиданно журнал стал пользоваться за границей огромным спросом. Детям и родителям нравились рисунки советских художников-графиков и отличные фотографии. Руководство «Страны Советов» было этим обстоятельством приятно удивлено и обрадовано, поскольку ему, то бишь, руководству, теперь светили командировки в Индию, во Францию, на Кубу, в ГДР и другие страны, где успешно шла подписка на «Хоровод». У нового «несерьезного» журнала стремительно росли тиражи по всему миру. Кстати сказать, на страницах «Хоровода» (в отличие от других детских изданий) невозможно было встретить ни пионеров в красных галстуках, ни комсомольских лидеров – словом, никакой «красной пропаганды». Уже тогда, в конце восьмидесятых, рынок на родных просторах порой брал верх над идеологией. Со страниц журнала улыбались счастливые и нарядные советские дети, взор читателей ласкали иллюстрации к сказкам и кадры из лучших отечественных мультфильмов. Короткие рассказы и стихи детских писателей служили лишь дополнением к роскошным иллюстрациям, восхищавших даже самых закоренелых противников социализма. Одним словом, мастера пропаганды в прежние годы работали тоньше нынешних и легко пробегали «между струйками». Им по плечу было невозможное: не огорчать кураторов из ЦК КПСС и одновременно вызывать интерес зарубежных подписчиков, готовых платить за журнал твердой валютой.

Балкон редакции «Хоровода» выходил в старинный переулок – на филиал МХАТа, в котором в то время гремел спектакль «Скамейка» с Татьяной Дорониной и Олегом Табаковым. Как-то летом в редакции отмечали очередной день рождения. Сотрудники «Хоровода» были, как на подбор, любители хорового застольного пения. С балкона, который пришлось распахнуть настужь в связи с жарой, неслись в тот вечер и куплеты про «Хасбулата удалого», и «Златые горы», и «На Муромской дорожке». Еще бы! В коллективе детского журнала волей судьбы собрались и сопрано, и басы, и тенора. Главного художника Господь наградил таким певческим

басом, что в особо драматичные моменты песни, рассказывавшие о коварстве Стеньки Разина или о горькой женской доле, в здании дрожали стекла. В общем, «хороводники» только распелись, как в дверь кто-то тихо постучал. На пороге стоял пожилой мужчина с благородной внешностью английского дворецкого.

– Товарищи, нельзя ли петь чуть тише, – интеллигентно попросил он. – Вы нам спектакль срываете.

«Народному хору» пришлось извиниться, закрыть балкон, налить по новой и перейти от песен к анекдотам.

Двор в центре Москвы, середина восьмидесятых

Окна «Хоровода» и просторный балкон, принадлежавший редакции, выходили, как уже было сказано, в переулок. В проходной дворик, через который можно было попасть на Петровку, вели чугунные резные ворота, обычно накрепко запертые. Художественные фотопортреты коллег, которые в издательстве было принято дарить на дни рождения, редакционные фотографии частенько делали на фоне этих чугунных ворот, чудом уцелевших за семьдесят лет советской власти.

В тот летний день ворота почему-то оказались открытыми, и Лина решила в обеденный перерыв изучить незнакомую территорию.

Ничего особенного, двор как двор. Клумба с пыльными цветами, качели рядом с песочницей, обшарпанная скамейка под старой липой...

Лина присела на скамейку, достала из сумочки газету и развернула бутерброд. Захотелось съесть его в тишине, отдохнуть полчаса от женской трескотни, обычно сопровождавшей чаепития в редакции. Да, и еще почитать новости, поскольку до электронных версий газет и до новостных сайтов оставалось еще лет двадцать. Какое блаженство – посидеть в центре столицы в тихом дворике под тенью старого дерева, чтобы потом вернуться в привычный водоворот редакционной суеты, который затихнет лишь к вечеру.

Внезапно Лина услышала знакомый бодрый тенорок. Только этого не хватало! Никуда от этих чертовых коллег не скроешься! Отступить было поздно. Лина заслонила лицо газетой, пересела в тень и затихла. Она услышала задорный женский смех и слегка отогнула газету, оставив лицо прикрытым. Вот это новость!

По двору, взявшись за руки, стремительно шла эффектная пара. Немолодой сухощавый мужчина в модной рубашке-поло небесно-голубого цвета и в белых узких джинсах, а с ним юная девушка с пышными рыжими волосами, горевшими на солнце, словно пламя. Она была такая хрупкая, миниатюрная, порывистая, что Лина невольно ей залюбовалась.

«Ой, да это же бильд-редактор Полина Голубева и сам Иван Кузнецов! – Лина едва удержалась, чтобы не окликнуть Полину, не подколоть какой-нибудь дурацкой шуткой, но вовремя запнулась.

«Вот так Кузнецов! Настоящий мачо! Ущипнул бес за ребро, и – ать-два-левой! – пошел по секретаршам! Хотя тут же, в отделе иллюстраций работает его жена Вера, и доброжелатели наверняка уже доложили ей об очередной интрижке благоверного, за которым та замужем целую вечность. Впрочем, Вера Ильинична, по слухам, давно привыкла к регулярным походам супруга налево и спокойно переживает их, словно плохую погоду. Ну, а Поля? Тоже хороша! Теперь понятно, откуда берутся ее модные шмотки. На зарплату секретарши одеваться в фирменные тряпки нереально, даже если сесть на хлеб и воду. Любопытно, куда идут эти двое? Двор-то, вроде, закрыт со всех сторон... Неужели хотят сесть на эту же скамейку? Ищут, как говорится, «места для поцелуев». Если Кузнецов засечет ее здесь – прощай, редакция, а значит, непыльная работенка! Местный Казанова решит, что она специально подкарауливала его с девушкой во дворе, чтобы вволю посплетничать про их парочку в «Хороводе». Ой, только бы пронесло!

К счастью, пара направлялась отнюдь не к скамейке, а проследовала быстрым шагом к пристройке, притулившейся к особняку изнутри. Лина прежде не имела никакого понятия об этом кирпичном строении, невидимом из переулка. Дом как дом: четыре этажа, на втором – дольно широкий балкон, рядом – пожарная лестница. Кузнецов на секунду отпустил

миниатюрную кисть Полины, порылся в правом кармане и достал оттуда связку ключей. Затем пожилой Ромео распахнул небольшую дверь и галантным жестом пригласил спутницу войти в полутемный подъезд. Пара скрылась из виду, и Лина наконец смогла приступить к поеданию бутерброда.

Редакция санаторного типа, середина восьмидесятых

Года этак до восемьдесят шестого в журнале "Страна Советов" царили покой и нега. После суеты и стрессов ежедневной газеты, молодых приколов (разумеется, с обломами) в ее родном "МК" и бесконечного юного гогота Лина волей судьбы оказалась в тихом и солидном номенклатурном омуте. Отделом публицистики заведовал опальный Алексей Кажубей, культурой рулила жена известного телеведущего Кира Ястребова, отдел иллюстраций возглавлял карикатурист Александр Кременчугский, прославившийся в Отечественную войну убойными карикатурами на фашистов. По легенде, ходившей в журнале, Гитлер обещал после взятия Москвы повесить его одним из первых...

Обстановка в особняке, где располагались «Страна Советов» и «Хоровод», ошеломила Лину с первого дня. Никто не суетился, не скандалил, как в других редакциях, напротив, принято было неспешно фланировать по кабинетам, бесконечно пить кофе с «Белочкой» и «Столичными» из праздничных заказов, рассказывать о смешных случаях в командировках и почти ежедневно отмечать дни рождения. Кажубей регулярно поднимал на профсоюзном собрании вопрос о том, чтобы для больших совещаний профсоюз закупал кофе и пирожные. В «Стране Советов», этом флагмане советской пропаганды, не возбранялось шутить на грани дозволенного и травить анекдоты про Брежнева. Лина, придя на новую работу, вскоре обнаружила, что с западным шиком в редакции одевались не только Кузнецов, но и большинство ее коллег. Рядовые сотрудницы бюро проверки или редакционной библиотеки, получавшие копеечные зарплаты, выглядели не хуже, чем звезды эстрады или ведущие центрального телевидения. Муся Руденко, младший редактор «Хоровода», открыла Лине глаза на истоки «тяжелого люкса» на редакционных гранд-дамах. У всех этих красивых, ухоженных и нарядных фемин мужья не вылезали из зарубежных командировок. У одной коллеги супруг возглавлял «Совэкспортфильм», у другой работал в зарубежной редакции ТАСС, у третьей трудился серьезным чиновником во Внешторге. После открытия, неволью сделанного во дворе особняка, Лина шепотом поинтересовалась у Муси:

– Похоже, в редакции трудятся не только жены, но и содержанки?

– А ты как думала?! – усмехнулась Муся. – Видала, в каком платье Полина сегодня явилась? Ну то-то же! Баксов за сто, не меньше! Да у нас такое чудо и не достать. Фирма «Соня Риккель»!

– Кто же ей все это привозит? – Лина поспешно изобразила глуповатую улыбку.

– Ой, не могу, ну ты и наивная! Будто вчера на свет родилась! – расхохоталась Муся. – Про ее связь с Кузнецовым вся редакция знает. Одна ты в облаках витаешь.

– Мне вообще-то некогда по сторонам смотреть, работы много, – проворчала Лина.

– Что и про служебную квартирку, принадлежащую редакции, никогда не слышала? – Муся понизила голос до страшного шепота.

– А что за квартирка? – Лина вновь прикинулась дурочкой.

– Во дворе нашего особняка есть небольшая пристройка, а в ней служебная квартира, куда наши престарелые кобели своих любовниц водят.

– А для чего редакции квартира? – опешила Лина – в «Страну Советов» и в «Хоровод» ведь только с московской пропиской берут. В газете, где я раньше работала, никто о подобных квартирках тоже никогда не слышал.

– Хочу тебя предупредить: эта служебная квартира, – сказала Муся, – самая страшная тайна. По сравнению с ней их старческие загулы – просто детский сад. Никогда и никому не говори, что узнала про эту квартиру и уж тем более не спрашивай, для чего она нужна.

– А что будет, если проболтаюсь? – спросила Лина.

– Уволят с волчьим билетом. Это в лучшем случае. А в худшем тебя собьет машина. Это иногда случается с теми, кто много болтает... Ладно, не описайся от страха. Я пошутила.

Лина поежилась от холода, хотя тот давний разговор происходил летом, и постаралась побыстрее забыть об этом разговоре. Однако любопытство не давало покоя, и через пару дней она поинтересовалась с невинным видом у всезнающей Ирины Петровой:

– Ир, а что это за странная пристройка во дворе нашего особняка?

– Там обычные квартиры, в них люди живут, – ответила Ирина и внимательно взглянула на Лину:

– А почему ты спрашиваешь?

– Да так, зашла во двор немножко посидеть в обеденный перерыв на свежем воздухе и случайно обратила внимание на то несимметричное крыло нашего здания.

– Ничего там интересного нету, в основном коммуналки. На вот лучше новый журнал у себя наверху полистай. Кузнецов недавно из Парижа привез, моды следующего сезона.

Ирина протянула Лине глянец с немыслимыми для обычной советской девушки нарядами и принялась демонстративно печатать какой-то документ.

Лина продолжила изучать удивительную «контору», и вскоре ее поразило маленькое открытие. В рабочее время можно было запросто зайти к секретарю парторганизации и, попросив у него разрешения, полистать свежие номера журналов «Time» и «Spiegel», которые хранились в сейфе у парторга. Главное – не выносить запрещенную литературу из здания. В то время западные журналы в СССР были под строжайшим запретом. У всех, кто пытался привезти из-за «железного занавеса» западную прессу, это «оружие пропаганды», журналы, если их находили, без разговоров отбирали на таможне, что грозило скорыми неприятностями на работе. В лучшем случае, «горе-контрабандист» надолго становился невыездным. А в худшем могли и уволить.

Не удивительно, что большинство советских граждан слыхом не слыхивало о свадьбе принцессы Дианы. В отличие от любознательных сотрудниц «Страны Советов», живо интересовавшихся этой темой. Когда Лина впервые появилась в редакционном особняке, тамошние модницы как раз ревниво обсуждали наряды будущей «королевы сердец», в изобилии представленные в западном «глянце», а кое-кто из дам уже заказал в ателье Управления делами ЦК КПСС точные копии платьев гламурной принцессы.

В конце восьмидесятых тема модных шмоток преобладала в дамских беседах. Еще бы! В магазинах было шаром покати. Если не удавалось «выстоять» тряпку в очереди или купить у спекулянтки, девушки пускали в ход смекалку. Лина, Муся и другие девчонки перешивали надоевшие наряды и красили их в яркие цвета в мастерских Большого театра, располагавшихся в соседнем с редакцией здании. Муся относилась в обед ворох шмотья знакомой мастерице и назавтра забирала обновленные вещи, которые уже с нетерпением поджидали молодые обитательницы особняка. Среди них были и весьма экстравагантные особы. Одна продвинутая дизайнерша, к примеру, обожала покупать в «Военторге», располагавшемся тогда еще на Воздвиженке, солдатские кальсоны с медными пуговицами, военные рубашки и майки-алкоголички и красить все это в радикально черный цвет. По ее словам, такой «прикид» на модных вернисажах выглядел просто сногшибательно.

В первый же месяц работы в «Хороводе» Лина сделала любопытное наблюдение. От «рабочих лошадок» журнала «Страны Советов» резко отличались раскованные, владеющие несколькими иностранными языками руководители. Чем свободнее и дружелюбнее они держались, чем больше иностранных языков знали, чем чаще привозили сотрудницам из заграни-

командировок милые сувениры и чем активнее зазывали в свои кабинеты на чашечку кофе с анекдотами про Брежнева вместо пирожных, тем больше крепили подозрения Лины и ее коллег в «Хороводе». Никто не сомневался, что эти симпатяги по совместительству трудятся еще в одном серьезном ведомстве. Иван Кузнецов тоже, разумеется, находился в условном списке «журналистов в штатском», который набросали для себя сотрудники «Хоровода».

Руководил советским пропагандистским броненосцем "сталинский сокол" Николай Груздачев. Он жестко пресекал на страницах «Страны Советов» любые вольности, не вписывавшиеся в прокрустово ложе линии компартии. Карающая длань Груздачева настигала порой даже «Хоровод», безобидный «журнал для девочек и мальчиков», как было написано на его обложке. Еще бы! На передовой линии идеологической борьбы мелочей не бывает. Однажды Николай Евгеньевич невзлюбил Чебурашку и с тех пор категорически пресекал появление «уродца с непомерно большими ушами» на страницах руководимого им детского издания. Автора Чебурашки он тоже терпеть не мог, словно предвидел, какие бездны вскроются после смерти известного детского писателя. На телевизионных ток-шоу заговорили, что, дескать, папа Чебурашки был домашний тиран и садист, состоял в секте Столбуна, а в довершение всего оказался сутягой и скрягой, ненавидевшим реальных детей. Короче говоря, взгляд «сталинского сокола» оказался на редкость зорким. Впрочем, «Хоровод» изучали еще два внимательных глаза. Каждый номер журнала читала внучка Груздачева, шестилетняя Клавоочка. Клавино слово было решающим в работе над очередным выпуском. К примеру, девочка очень боялась гномов, поэтому «злые западные карлики» были в «Хороводе» под строжайшим запретом. Даже Карлик Нос из сказки Вильгельма Гауфа с трудом просочился в рубрику «Любимые сказки», которую в то время курировала Лина. Зато редколлегии журнала, на которых обсуждался очередной номер, проходили весело. Груздачев неумолимо требовал от героев сказок правды жизни. Например, медведь, по его словам, грибы собирать никак не мог, однако курить трубку, по странной логике Груздачева, топтыгину позволялось.

Любовник Сильваны Помпанини,

середина девяностых

Идти на фуршет после фотоконференсажа и сенсационного сообщения Семена Людова у Лины не было никакого желания. Она вернулась домой, сварила кофе, плеснула в рюмку немного коньяка и помянула невинно убиенного Кузнецова. Неожиданно для себя она достала из чулана гладильную доску и принялась ожесточенно гладить. Глажка белья, хоть и не относилась к любимым занятиям, отлично снимала стресс. Горка выглаженного белья росла с рекордной быстротой, а Лина тем временем, словно медитируя, все глубже погружалась в прошлое. Она легко представила себе Ивана Кузнецова – молодежавого, модного и слегка высокомерного, однако, как ни старалась, не могла представить его истерзанный труп, оставленный в открытой машине на обочине. Такая страшная смерть совсем «не шла» Кузнецову, не вязалась с победительным и надменным обликом выдавшего виды фоторепортера.

Внезапно Лина вспомнила еще одну недавнюю и, казалось, нелепую смерть. Джип «чероки» сбил на Большой Дмитровке Романа Лаврентьевича Ищенко, когда-то тоже работавшего в «Стране Советов». Крепкий мужчина возраста шестьдесят плюс, он даже в сильный мороз не носил шапку и шарф, в то время, как молодые сотрудники, выскакивая в соседнее кафе, напяливали шапки-ушанки и кутали шеи мохеровыми кашне. Роман Лаврентьевич отличался от коллег какой-то разудалой бесшабашностью и порой смахивал на городского сумасшедшего. О, это был удивительный персонаж!

Лина вспомнила, как однажды перед ноябрьскими праздниками, году этак в 89-м, провалялась две недели с гриппом, и ее забыли внести в список на праздничные заказы к годовщине Октябрьской революции.

– Вы что же, решили меня наказать за температуру под сорок и осложнения после гриппа? На каком основании лишили дефицитных деликатесов? – «наехала» она на Романа Лаврентьевича в редакционном коридоре. Ищенко в этот миг, как обычно, бежал в расстегнутом пальто прочь из особняка, в неведомые торговые дали. Он был заведующим редакцией и отвечал в «Стране Советов» за все «земное» – продуктовые заказы, путевки в престижные санатории, французские духи и театральные билеты для начальства. Формально Роман Лаврентьевич числился литсотрудником отдела сменных полос, готовившего материалы для Индии, Вьетнама и других экзотических стран, однако реально занимался исключительно добыванием дефицита для начальства и иногда для рядовых сотрудников. Лина выключила утюг и подумала, что Ищенко был неплохим человеком. Журналистам «Хоровода» порой тоже кое-что выпадало от его щедрот.

Однако «изюминкой» Ищенко были не его исключительные способности по доставанию дефицита в советскую эпоху, а его фантастические байки. «Востоковед» Роман Лаврентьевич частенько рассказывал о себе невероятные истории. По версии Ищенко, одной из его любовниц была знаменитая в шестидесятые годы итальянская актриса Сильвана Пампанини. В те годы она считалась эталоном красоты, по Сильване сходили с ума поклонники по всему миру, но это не имело для Романа Лаврентьевича никакого значения. Если верить рассказам Ищенко, он познакомился с Сильваной, когда та принимала ванну в отеле, где остановился Роман Лаврентьевич, работавший под прикрытием «обычный советский командированный». Ищенко перепутал номер, дверь оказалась открытой, ну и он, конечно, вошел. Его позвал нежный голос из ванной комнаты. Дальше все развивалось стремительно. Мол, едва обнаженная красавица его увидела, сразу же «все и закрутилось».

– Раздевайся и полезай в ванну, – так, дескать, скомандовала Сильвана Роману Лаврентьевичу. А что Роман Лаврентьевич? Он, как Савва Игнатьевич из «Покровских ворот», ответил: «Яволь!».

– Когда расставались, Сильвана плакала навзрыд, – обычно завершал Ищенко свою лавстори под насмешливыми взглядами молодых коллег.

Еще Роман Лаврентьевич любил рассказывать о том, как служил в гитлеровской Германии в годы войны, опять же, под прикрытием. Типа работал в Берлине Штирлицем и приближал Победу. Впрочем, по его словам, он и потом был на передовой «холодной войны». Венцом баек Ищенко была история, как в хрущевские времена он вывозил из СССР в самолете двойного агента Пеньковского, приговоренного к расстрелу. Дескать, агенту сделали пластическую операцию, однако, чтобы никто не узнал его по голосу, тот общался с Романом Лаврентьевичем знаками, но разок все же прошептал:

– Рома, молчи, целее будешь!

Никто, разумеется, байкам Ищенко не верил, и в редакции он давно слыл «тихим психом». Помощница Груздачева Ирина Петрова откровенно крутила пальцем у виска, когда Ищенко скрывался за поворотом редакционного коридора.

С тех пор прошло несколько лет, страну, где родилась и выросла Лина, перестали называть «Страной Советов», и журнал с таким названием безвозвратно исчез. Жизнь, навсегда канувшая в Лету, сохранилась лишь в фотографиях...

Лина гладила белье и размышляла о рассказе Семена Людова. Жестокое убийство Кузнецова не давало ей покоя. А тут еще нелепая смерть Романа Лаврентьевича...

«Сразу два трупа сотрудников «Страны Советов» за такое короткое время, – думала Лина, ожесточенно отглаживая пододеяльник. – Кузнецов и Ищенко. Все же это... как-то слишком... для одной редакции».

Она плеснула в рюмочку еще немного коньяку, чтобы вслед за Кузнецовым помянуть Романа Лаврентьевича, и продолжала вспоминать...

«Оба мужчины умерли не своей смертью. Странно все это... Что если хотя бы часть баек Ищенко правда? Может, он и впрямь когда-то был советским шпионом, а потом свихнулся из-за раздвоения личности?». Как теперь модно говорить, «биполярочка» настигла...».

Коньяк ударил в голову, и Лина, задумавшись, прожгла дыру в пододеяльнике.

Когда она загружала стопку белья на полку в шкафу, взгляд упал на флакон из-под французских духов «Клима». Ищенко когда-то достал ей эти модные в то время духи на каком-то закрытом складе с небольшой переплатой. В конце концов флакон опустел, Лина запихнула его на полку в шкаф, чтобы белье хорошо пахло, а когда аромат выдохся, забыла выбросить бутылочку.

«В сущности, этот тихий сумасшедший неплохо ко мне относился».

Лина с какой-то темной тоской взглянула на флакон и вспомнила, как Роман Лаврентьевич ввел ее в номенклатурный продуктовый рай на Петровке.

В тот день, молча выслушав упреки Лины по поводу упущенного заказа, Роман Лаврентьевич коротко скомандовал:

– Ну, ладно, хватит ныть, пошли.

Идти пришлось недалеко – до подвала гастронома, расположенного буквально в двух шагах, на Петровке. Вряд ли кто-нибудь в то время заподозрил бы за неприметной дверью столь серьезное заведение. Напрасно, между прочим! Там было на что посмотреть. Посетитель, допущенный в это царство дефицита, вначале долго спускался в полумраке по длинной лестнице и наконец попадал в ярко освещенный холодным неоновым светом подвал. Бескрайнее подземное царство казалось бесконечным, словно это был туннель в светлое будущее.

В тот раз Роман Лаврентьевич по-свойски крикнул в гулкий коридор:

– Девчата, вы здесь?

Через несколько секунд из глубины подвала, отделанного белым кафелем, вышли две веселые молодые женщины в белых халатах. Свежие укладки на основе «химии», модные в ту эпоху голубые тени и ярко-красный маникюр довершали их, как сегодня сказали бы, «лук», то бишь, образ.

– Галочка, Лидочка, познакомьтесь, это наша сотрудница Линочка. Подберите ей что-нибудь из дефицита, – небрежно бросил Роман Лаврентьевич. Видно было, что он не последний в этом союзе избранных. Продавщицы засуетились.

– Роман Лаврентьевич, шпроты нести?

– Конечно! Две-три баночки, – командовал «востоковед».

– А печень трески?

– Несите две.

– Растворимый кофе?

– Давайте пару банок.

– Сервелат финский нужен?

– Тащите палку. Нет, лучше две!

Лина вспомнила, как тогда, с трудом стряхнув оцепенение, резко прервала поток нерелевантных сокровищ.

– Стоп! У меня деньги закончились! Спасибо, Роман Лаврентьевич, больше ничего не надо.

Девушки взглянули на Лину с явным разочарованием. Видимо, они подозревали у знакомой «самого Романа Лаврентьевича» гораздо большие финансовые возможности.

– Ну, теперь ты довольна? – спросил Роман Лаврентьевич, когда они поднялись из подвала и вышли на Петровку. Солнечный свет превратил все только что увиденное Линой в волшебный сон, а карету в тыкву. Реальность произошедшего подтверждала лишь увесистая авоська, которую Лина тащила в руке.

– Спасибо, Роман Лаврентьевич, – только и смогла прошептать она, с трудом приходя в себя после посещения параллельного мира, в который попала в первый и, как она правильно догадалась, в последний раз.

– Только для вашего «Хоровода» и стараюсь, – подчеркнул свои заслуги Роман Лаврентьевич, – вчера твоя подруга Муся попросила достать ей французские духи «Клима». Ну, для меня это, конечно, не проблема, но надо же и о начальстве подумать. Им тоже все время что-то надо: «Роман Лаврентьевич то, Роман Лаврентьевич сё...».

– Ой, а можно мне тоже «Клима»? – прошептала Лина, краснея от собственной дерзости. – Я заплачу сверх цены, у мамы скоро день рождения, а она очень любит эту марку.

Стоит ли говорить, что мама, получив от дочери столь драгоценный подарок, ахнула, пару раз надушилась «Клима» перед походом в Большой зал консерватории, а потом отдала Лине флакон со словами «тебе они нужнее».

Большинству коллег Лины, в отличие от нее, французские духи не казались таким уж сокровищем. В редакции «Страны Советов» работали люди, по тем меркам, весьма обеспеченные. Мужья многих сотрудниц имели возможность покупать торговый дефицит в закрытой секции ГУМа, а также получать продуктовые «пайки» в ЦК КПСС, в «Совэкспортфильме», в ТАСС и в других подобных организациях. Однако от сервелата, шпрот и растворимого кофе, впоследствии признанных крайне вредными, никто из гламурных дам, разумеется, не отказывался. В день выдачи заказов прямо от статуи мраморной Психеи выстраивалась на лестнице длинная очередь, и кто-нибудь из редакционных фотографов обязательно запечатлевал этот позорный эпизод «для истории».

Роман Лаврентьевич бесценно руководил раздачей продуктовых заказов, как генерал атакой, и никто из сотрудников обычно не бывал обойден деликатесами. Единственное за все время ЧП случилось в «Хороводе». У тогдашнего главного редактора журнала Михаила

Шпонькина пропало мясо, спрятанное в общий холодильник. Кто из сотрудников польстился на столь дефицитный в конце восьмидесятых продукт, так и осталось загадкой.

Однажды Роман Лаврентьевич даже помог Лине получить путевку в дом отдыха «Правды» в Пицунде за смешную «соцстраховскую» цену. Кто-то из начальства отказался ехать к Черному морю в конце мая, и Роман Лаврентьевич рассудил, что путевка в одноместный «полулюкс» должна достаться сотруднику родной «Страны Советов», а не бесславно вернуться в «головной» профком полиграфкомбината «Правда».

Мама Лины, кандидат технических наук, с одной стороны, была рада за дочь, но, с другой, чувство классовой справедливости не давало ей покоя.

– Правильно у нас в лаборатории говорят: надоели эти партийные бонзы с их привилегиями.

– Ну я же не бонза, мама!

– Подумаешь, заметки в журнальчик кропаешь. Ответственность минимальная. Ничего себе, привилегии у обычного литсотрудника: одноместный номер «полулюкс» в пансионате у моря! В Пицунде! А наши сотрудники с их золотыми головами и учеными степенями сарайчики у хозяек на юге снимают. Скажи, разве это справедливо? Вот правильно Солженицын писал... И Галич про это же пел...

Лина тогда подумала, что скоро их «отдельно взятому раю» в журнале «Страна Советов» наступит конец. Так и получилось.

Болото застоя и ветер перемен,

середина восьмидесятых

В середине восьмидесятых заиндевшее пропагандистское болото вдруг забулькало, забурлило, заквакало. Номенклатурные начальники, прежде безжалостно вымарывавшие из текстов Лины самое безобидное сравнение и любой свежий эпитет, внезапно осмелели. Лина была молодой максималисткой, ненавидела застой и всей душой приветствовала «ветер перемен». Дуновение новых ветров быстро учуяло и опытное редакционное начальство. Груздачев и его замы принялись наперебой требовать и от солидных репортеров непривычной остроты и полемичности, от которых те давно отвыкли. Бывалые пропагандистские зубры, поначалу впали в ступор из-за столь резкой смены повестки, но вскоре освоились, взбодрились, у некоторых даже открылось второе дыхание. Секретарь Груздачева Ирина Петрова неожиданно для всех полюбила программу «Взгляд», которая выходила на ТВ глубокой ночью и даже стала осторожно критиковать надоевшую всем комсомольскую и партийную номенклатуру, а заодно с ней и стремительно уходящую в прошлое советскую идеологию.

Старый лис Алекс Джонович Кажубей, заведовавший отделом публицистики, первым учуял новые веяния и принялся решительно осуществлять «перезагрузку» своего отдела. У Лины, молодой и шустрой в те годы журналистки, начались бесконечные командировки по Советскому Союзу «с публицистическим уклоном». Каждый раз они с очередным фотомастером ломали голову: какой еще новой остроты и смелости потребует от них неожиданно вспомнивший хрущевскую оттепель старик Кажубей?

Зав. отделом фотоиллюстраций Иван Кузнецов, хоть и был членом редколлегии, в производственные дела почти не вмешивался и на планерках появлялся редко. Казалось, результаты командировок, откуда его сотрудники привозили огромное количество коробок с отснятыми, дефицитными в то время цветными фотопленками «Кодак», Кузнецова интересовали мало. Дескать, у шефа журнальных фотографов имеются дела поважнее. Лина не первой заметила: в отличие от рядовых фотомастеров, Кузнецов находился в редакции не с девяти до шести, а трудился в свободном режиме. В восьмидесятые это выглядело настоящим вызовом партийно-бюрократической системе. Разумеется, никто в то время не подозревал, что через каких-нибудь десяток лет такая работа будет называться «удаленкой», а сотрудник, работающий вне офиса, «фрилансером», то бишь, вольным стрелком. Добрая половина журналистов в недалеком будущем станет трудиться в свободном режиме, и это будет считаться нормальным явлением. Однако в то время подобная «вольница» казалась по меньшей мере странной. В особенности, в издании ЦК КПСС, органом которого был журнал «Страна Советов».

Между тем, замы Груздачева целыми днями сидели в своих кабинетах, изо всех сил изображая бурную деятельность. Их главной задачей было блюсти идеологическую линию и «не пущать» все, что не укладывалось в идеологические рамки советской эпохи, пусть и с поправкой на перестройку. Снимки, которые фотографы привозили из командировок по Советскому Союзу, вначале отбирались отделом, отправившим мастера готовить «тему». Потом фотографии показывали одному из замов Груздачева. Затем художники и технический редактор в отделе фотоиллюстраций выклеивали макет с этими работами (разумеется, ни о какой компьютерной верстке в то время художники и мечтать не могли). Ну, и последним этапом было представление «тем» на редколлегии. Впрочем, когда журнальные полосы через множество препон и кордонов доходили до редколлегии, можно было уже не волноваться об их судьбе. Груздачев доверял «политическую линию» своим замам, а сам обычно придирался лишь к заголовкам. Обычно он выступал за краткость и предлагал свои варианты: «Хозяйка земли»,

«Взяли – и купили» и так далее. Остальные участники этих странных мероприятий, именуемых «обсуждение нового выпуска», изображали хор, как в древнегреческой трагедии, и лишь оттеняли монологи Главного.

Из уст в уста передавалась легенда о том, как заведующая отделом культуры Кира Ястребова метнула в Груздачева толстый ежедневник, в который, как обычно, записывала замечания шефа.

Дело было так. Груздачев недолюбливал современное искусство в целом и Киру Ястребову в частности, в особенности ее мужа, телевизионного обозревателя Вильяма Пивзнера, которому было доверено наводить мосты с Америкой. Не удивительно, что все шишки на редколлегиях доставались именно Кире, возглавлявшей отдел культуры и быта. Материться в солидных редакциях тогда было еще не принято, и Груздачев, чтобы усилить воспитательный эффект от своих слов, стучал кулаком по столу или метал в проштрафившихся сотрудников все, что подвернется под руку. В тот раз сталинский сокол неожиданно блеснул эрудицией и заорал:

– Сон разума рождает чудовищ! Это не я, а великий Гойя сказал! Очерки вашего отдела, товарищ Ястребова, которые вы представили в очередной номер, чудовищны! У вас политическая близорукость, черт побери!». В приступе ярости Груздачев метнул в Ястребову свои знаменитые очки, но они не долетели до мишени и со стуком шлепнулись посередине зала заседаний. Главный редактор «Страны Советов» покупал в оптике «Кремлевки» какие-то особо прочные окуляры, и те легко выдерживали подобное непочтительное обращение. Вот и в этот раз очки главного не разбились.

– Да что же это такое! – рявкнула Кира. В ответ она метнула в начальственного самодура увесистый ежедневник, и тот приземлился аккурат рядом с очками. Зрители замерли, исполненные ужаса и «гибельного восторга», как пел Высоцкий. В эту минуту все подумали о скором и неизбежном изгнании Киры из уютного особняка.

Ястребова встала, презрительно взглянула в глаза Груздачеву и молча покинула зал заседаний. Стук ее каблучков прозвучал в звенящей тишине реквиемом по заведомо культуре. Лине эта сцена напомнила картину, на которой русскую партизанку собираются вешать офицер вермахта, а она, высоко подняв голову, испепеляет его ненавидящим взглядом, правда, оставаясь на месте, а не удаляясь прочь, стуча каблучками.

Как ни странно, драконовских мер к Ястребовой после ее демарша применено не было, и эта роскошная женщина до самого закрытия «Страны Советов» продолжала возглавлять отдел культуры и быта, гордиться знаменитым мужем и параллельно крутить шуры-муры с любвеобильным Семеном Людовым.

Разумеется, Николай Груздачев уважал свободу мнений, но... только на словах.

– У нас демократия, – частенько говаривал он. – Любой сотрудник, даже лаборант или секретарь, обязан посещать редколлегию, на которой проводится обсуждение очередного номера. Каждый из вас может высказывать свои соображения и не бояться вносить самые смелые предложения по содержанию и оформлению журнала.

Однако история с Ястребовой лишней раз подтвердила правило: на подобных публичных порках лучше помалкивать. Тем более, что Груздачев после выходки Киры внезапно проявил познания во французском и стал орать на всех, кто пытался ему публично возражать:

– Не амикошонствуйте, товарищи!

– Ами кошон – друг-свинья, – разъяснил сотрудникам новую присказку шефа Стас Лукошко, выпускник Инъяза и местный полиглот. – Короче, Груздачев предостерегает нас от панибратства.

Это прозвучало довольно странно, потому что Груздачеву, начальнику над всеми депутатами РСФСР, никто кроме Ястребовой и так возражать не решился бы. И уж тем более – разговаривать с ним запанибрата. Старик Груздачев попросту учуял острым партийным чутьем

приближение новых времен и пытался на последних рубежах защитить обитателей особняка от опасной, по его убеждению, игры в демократию.

Дедушка, девушка и Психея,

середина восьмидесятых

Любого посетителя, входившего в старинный особняк, где находились редакции «Страны Советов» и «Хоровода», встречали три достопримечательности. Первая звалась Степаныч. Это был пожилой вахтер в синем форменном халате, самоотверженно охранявший вверенную ему границу на входе в особняк. Степаныч сканировал вошедшего пронизательным взглядом. Если дверь открывал сотрудник журнала или детского приложения, Степаныч стремительно принимал облик добродушного, слегка чудаковатого дедушки, так сказать, местного домового. Мог и пошутить, и подмигнуть, и свежую сплетню рассказать. Но если в особняк пытался пройти незнакомец или незнакомка, вахтер стремительно менялся в лице, которое тут же принимало строгое официальное выражение

Присядьте. – указывал Степаныч посетителю на стул с потертым сиденьем, – о вас будет доложено руководству.

Солидно, без суеты вахтер звонил кому-нибудь из начальства. Значимость вошедшего Степаныч определял безошибочно и тут же докладывал о госте тому сотруднику, ранг которого соответствовал уровню посетителя. Впрочем, бдительность Степаныча была излишней. Чаще всего незнакомца уже ждали – либо начальство, либо кто-то из творческих сотрудников, поскольку без предварительных звонков в особняк мало кто являлся. За новым автором (как правило, в особняк приходили внештатные художники, фотографы и пишущие журналисты) спускался кто-нибудь из редакции и сопровождал визитера до своего кабинета. Посетители, явившиеся в особняк впервые, нередко застывали на роскошной лестнице возле мраморной Психеи. Это была вторая достопримечательность особняка в стиле «русский модерн». Греческая богиня встречала гостей внешнеполитического органа ЦК КПСС в короткой тунике с легкомысленно обнаженной грудью.

Секретарь-референт Груздачева Ирина Петрова, конечно, одевалась приличнее Психеи, да и взгляд у нее был не столь легкомысленный. Ухоженная дама сидела за большим канцелярским столом прямо в холле, между кабинетами главного редактора и его зама, и никому из поднявшихся на второй этаж не удавалось миновать этот кордон незаметно.

Увидев ее впервые, Лина подумала:

«Как странно в этой женщине сочетаются внешность актрисы академического театра и загадочная улыбка Джоконды». В редакции ходили сплетни, что Ирина офицерская жена и что муж Коля вывез ее из Краснодара к новому месту службы – в Москву. Ирина не хуже Степаныча сканировала незнакомца взглядом и, если незнакомец тормозил в растерянности у ее стола, дружелюбно направляла его в нужный кабинет. Лине всегда казалось, что Петрова знает об обитателях особняка намного больше, чем все остальные сотрудники вместе взятые, включая начальство.

Если вошедший был художником, Ирина направляла его в самую светлую и просторную комнату в особняке – с витражами, бронзовыми ручками на дверях и старинными светильниками. Вошедший тут же проникался удивительной атмосферой места, потому что в других столичных редакциях, как правило, стояли дешевые канцелярские столы, пишущие машинки «Ятрань» и стулья с протертыми до дыр сиденьями.

Лишь одного посетителя Степаныч и Петрова никогда не пропускали через свой кордон. Это был муж Киры Ястребовой Вильям Пивзнер, которого главный редактор Груздачев ненавидел всей душой и подвергал репрессиям как классово чуждый элемент. Безошибочная интуиция, выработанная годами номенклатурных сражений, подсказывала Груздачеву, что от

таких, с позволения сказать, «американистов», вскоре все в стране начнет рушиться, и понятная, десятилетиями выстроенная система, полетит в топку истории. Как ни странно, в этот раз «сталинский сокол» не ошибся.

Аэропорт Шереметьево,

Середина восьмидесятых

Вспоминая годы работы в «Стране Советов», Лина извлекла и памяти случайную встречу, произошедшую лет тридцать назад.

В тот раз она уже прошла и пограничный контроль, и таможню и теперь дремала в кресле, которое удалось занять в зале ожидания. А что еще было делать? До посадки минут сорок, денег на дорогой парфюм в дьюти фри нет, впрочем, как и на кофе в баре. Лучше обменять в Берлине жалкие командировочные рубли на гэдээровские марки и купить себе какую-нибудь модную шмотку. На Родине было время тотального дефицита, за всем приходилось толкаться в бесконечных очередях. В подарок немецким коллегам-журналистам Лина везла, по их просьбе, советскую «злую» горчицу. Немцам, попробовавшим эту нашу фирменную специю, европейская сладкая приправа разонравилась. То ли дело горчица из Советского Союза! Слезу вышибает! Недаром советские домохозяйки ей посуду моют! А уж если употребить ее с баварскими сосисками, да под немецкое пиво!..

За этими размышлениями Лина не заметила, как задремала. Разбудило объявление:

«Граждане пассажиры, заканчивается посадка на рейс номер такой-то, вылетающий в Париж. Пассажир Кузнецов срочно пройдите на посадку».

«Какой-то Кузнецов в Париж летит, счастливый!» – подумала Лина, до конца не проснувшись. Внезапно в голове эхом отозвалась знакомая фамилия, и она открыла глаза. Мужчина в темных очках и джинсовом костюме почти бегом проследовал к выходу на посадку.

«Это же наш Кузнецов! – оторопела Лина. – Шеф журнальных фотографов! Вот кто, оказывается, неизвестный счастливец! Через три часа увидит Париж. А Париж увидит его – такого модного, современного и успешного. Кто клеветет, что в СССР тотальный дефицит? По Кузнецову этого не скажешь. Стоп! А причем тут Париж? В «Стране Советов» говорили, будто Кузнецов в Прагу полетел. Какой резон ему так шифроваться?».

Лина заметила, что руку Кузнецова оттягивает тяжелый портфель-«дипломат».

«Небось, армянский коньяк, водку и черную икру везет французам в подарок», – пронеслось в голове, и, внезапно испытав классовую ненависть к советскому «буржуа», она вновь погрузилась в неглубокую дорожную дрему.

В те далекие времена в самолет еще можно было брать напитки и продукты, чем советские командированные активно пользовались. Лина тоже тащила в ручной клади пару бутылок водки для гэдээровских коллег и две банки красной икры, потому как денег на обмен валюты в редакции выдали позорно мало. Предполагалось, что кормить и развлекать командированную журналистку из «Хоровода» будет принимающая сторона за свой счет.

За Берлинской стеной,

КОНЕЦ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

– Интересно, а что говорит товарищ Груздачев о фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние»? Замглавного гэдээровского иллюстрированного журнала «НБИ» геноссе Мюнх, рыжий немец с конопушками на круглой физиономии, уставился на Лину выжидательно и насмешливо. В глазах его блеснуло ехидство. Ну-ка, бойкая журналистка эпохи Perestrojka, давай-ка выкручивайся, посмотрим, чего ты стоишь. Лина почувствовала, как на нее с любопытством взглянули две фрау, сопровождавшие ее в командировке. Журналистка «НБИ» Бербела Веллер и элегантная переводчица Лариса Лемпке. Несколько лет назад Лариса встретила в тамбовском инъязе гэдээровского студента-русиста, выскочила за него замуж и приехала в ГДР дипломированным переводчиком. В этот раз редакция НБИ наняла ее, чтобы помогать Лине собирать в Берлине материал для репортажей о школах и детских сада-Берлина. Одним словом, редакционное задание «Хоровода» выглядело в глазах Лины приятной прогулкой. Тот факт, что на официальном приеме ее будут «гонять» по политическим вопросам, стал неприятной новостью.

Симпатичный рестораник на Александр плац внезапно показался неуютным и каким-то холодным. Дома она бы отшутилась или рассказала пару баек про Груздачева, над которым на излете советской власти подшучивали за спиной даже его замы. Не стеснялись пинать мертвого льва и в литературных кругах. Василий Аксенов даже посвятил ему несколько строк в своем романе, написанном уже в эмиграции, где описывал лысину Груздачева, синевшую «в моменты интеллектуальных оргазмов». Однако здесь и сейчас было не до шуток. Немец задал конкретный вопрос и ожидал на него откровенный ответ. Лина поехала, глотнула шнапсу из крошечной стопки и стала осторожно подбирать слова...

Беда была в том, что главный редактор журнала «Страна Советов», лауреат Сталинской и Ленинской премий, председатель Верховного Совета РСФСР Николай Евгеньевич Груздачев о «Покаянии» ничего, разумеется, не говорил, потому что картину не смотрел и, более того, не собирался. Ему и без фильма Абуладзе вся эта гласность стояла поперек горла. Груздачев чувствовал, что очень скоро грядут новые времена, в которых ему не останется места. Но пока еще он был главным начальником Лины, и отзываться о нем следовало с уважением. В особенности здесь, в стране народной демократии.

– Николай Евгеньевич, конечно, приветствует ээ перестройку, ээ гласность, ээ смелые решения Горбачева и... – заблелая Лина что-то невнятное, но не успела додумать, что еще приветствует Груздачев, как Лариса уже все перевела. В общем, пришлось скомкать разговор на тему «Груздачев и фильм «Покаяние»» и срочно перевести беседу на громкие литературные новинки, которые в то время появлялись, как грибы после дождя. Конечно, немцы ждали от Лины откровений и свежих новостей из перестроечного Советского Союза, однако возвращаться ей предстояло в редакцию «Страны Советов», и не факт, что до начальства не дошло бы содержание этой застольной беседы. Да и с немцами надо было держать ухо востро. Бербела говорила, что с началом перестройки в Советском Союзе немецкие спецслужбы – Штази – активизировались и доносили даже на тех, кто вел самые невинные разговоры.

Кстати сказать, через несколько лет после падения Берлинской стены к Бербеле домой явились три бывших сотрудника «НБИ» и сообщили, что работали на Штази.

– Зачем вы решили рассказать мне об этом теперь, когда подобные тайны уже ничего не стоят? – удивилась Бербела.

Гости пояснили:

– Имена всех сексотов Штази раскредены и преданы огласке. Мы хотим, чтобы ты узнала именно от нас: мы на тебя никогда не стучали.

– А что вы могли обо мне доносить? Я всегда говорила то, что думала, – сказала Бербела и легкомысленно махнула рукой, – отпускаю вам все грехи, ступайте с миром. Полагаю, вас на чем-то подловили, и вы не могли отказать Штази в сотрудничестве.

Этот разговор случился через несколько лет, а тогда, во время официального обеда в ресторане, Лине надо было держать ухо востро. Впрочем, и дома все было не просто. Если начальству не понравится, как она вела себя в командировке и что говорила немецким партнерам, придется надолго забыть о заграничных командировках. Этого очень не хотелось бы. В то время заграничные командировки были уделом избранных и считались серьезной привилегией.

В журнале «Страна Советов» сотрудники выезжали за рубеж гораздо чаще рядовых советских граждан, и выездная комиссия старых большевиков в райкоме партии, пугавшая других счастливых вопросом о секретарях компартий Монголии и Китая, была для них рутинным мероприятием. В советское время поездки в капстраны считались самыми престижными и доставались, разумеется, начальству, а в страны «социалистического лагеря» – например, в ГДР, Венгрию и Чехословакию – могли отправить и рядового сотрудника «Страны Советов». Лине с командировкой подфартило случайно. В 1987 году ответственному редактору журнала «Хоровод» Михаилу Шпонькину предложили поехать в ГДР. Шефа детского журнала эта заманчивая перспектива не обрадовала, а, напротив, смертельно оскорбила. «Хоровод» успешно продавался по всему миру, приносил государству твердую валюту, так какого же черта его посылают в убогую Восточную Германию, а заместители Груздачева чуть ли не каждый месяц представляют «Хоровод» по парижам и миланам?

В общем, Шпонькин от командировки в Восточный Берлин наотрез отказался. Руководство «Страны Советов» сей неожиданный демарш редактора «несерьезного» детского журнала обескуражило и даже разозлило. В воспитательных целях бунтаря Шпонькина решили временно вообще никуда не отправлять. Однако ехать к «ребятам-демократам» было необходимо. «Хоровод» пользовался в ГДР огромным успехом, и «NBI» давно просил прислать к ним «по обмену» какого-нибудь журналиста из дружественного детского издания.

– В Берлин поедет Томашевская, – внезапно решило начальство. – На дворе время перемен, надо дать возможность молодым проявить себя. Пускай Лина подготовит репортаж о маленьких демократических немцах – читателях «Хоровода». С фотокором проблем не будет, в журнале «NBI» своих мастеров хватает.

Так Лина оказалась в наэлектризованном перестроечными идеями Восточном Берлине.

Контраст настроений общества в СССР и в ГДР по тем временам был поразительный. Перестройка в Советском Союзе шла полным ходом. Открывались закрытые прежде архивы, печатались книги запрещенных авторов, снимались «с полки», казалось, на веки-вечные упрятанные по архивам кинофильмы. В ГДР в этом плане все было намного скромнее. Генсек СЕПП Эрих Хонеккер не допускал даже мысли о перестройке и гласности и уж тем более не ведал, что ему самому осталось находиться у власти считанные месяцы. Восточные немцы по-прежнему опасались вездесущих Штази, однако воздух свободы, долетавший из СССР, пьянил их не меньше, чем профессора Плейшнера из «Семнадцати мгновений весны». «Ребята-демократы» как-то враз утратили страх и принялись рассказывать в пивнушках и в гостях многочисленные анекдоты про Хонеккера. Восточные немцы тайно переводили статьи из советской перестроечной прессы и ловили по радио новости из Москвы, как когда-то в России искали в эфире «Голос Америки». В то время во всех гэдээровских школах изучали русский язык, так что основной смысл информации из Москвы восточные немцы улавливали довольно точно. Гэдээровские идеологи не дремали и тут же запрещали советскую перестроечную литературу и фильмы. Даже безобидный журнал «Спутник», который издавало Агентство печати «Новости» (АПН) в ГДР внезапно запретили. Однако никто из восточных немцев и представить себе

не мог, что до разрушения Берлинской стены и краха привычной жизни оставалось всего два года.

Показ фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние» в ГДР запретили как раз незадолго до приезда Лины в Берлин. В Москве картина давно уже прошла в кинотеатрах первым экраном при заполненных залах. Главным отрицательным героем был просвещенный палач и утонченный садист, в котором по блеску очков и грузинскому акценту угадывался Берия. Вот почему демократические товарищи не без ехидства спрашивали Лину об оценке фильма Груздачевым, чьи взгляды им были хорошо известны.

Колосс на глиняных ногах,

КОНЕЦ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

– Знаешь, на чем наше государство держится? – спросил Лину отец Бербелы Герхард, когда они уселись с чашечками кофе и штруделем за маленький столик в библиотеке, занимавшей большую часть его квартиры. На полках стояли книги классиков ГДР – Анны Зегерс, Кристи Вольф, Германа Канта и других прогрессивных немецких писателей, а также советских – Чингиза Айтматова, Валентина Распутина, Юрия Трифонова. Герхард был партийным секретарем в Союзе писателей ГДР, дружил с советскими и восточногерманскими писателями, интересовался политикой, а о происходившем в стране узнавал от коллег – таких же, как он, партийных функционеров.

– ГДР держится на серьезных социальных льготах, которые регулярно финансируются из СССР, и на страхе восточных немцев перед Западной Германией, которую гэдээровская пропаганда ежедневно объявляет исчадьем ада, – предположил Лина.

– Ну, пропаганда, конечно, говорит не всю правду, но и не всегда врет, – усмехнулся Герхард. – Боюсь, мы скоро на своей шкуре почувствуем: все, что нам рассказывали о коммунизме, окажется враньем, зато наши представления о капитализме во многом сбудутся. Наше государство держится на советских деньгах, а вам сейчас не до нас. Да и рубль обесценился, как только цена на нефть упала. По слухам, наше руководство постоянно требует у вашего все новых финансовых вливаний, однако получает их все меньше. Наши говорят вашим: «Мы витрина социализма и просто обязаны быть примером для Западной Европы. Какая Европе разница, что творится в глубинке России, в Рязани или в Казани? По большому счету, и Европу, и тем более, западный мир интересуется, как живет первое немецкое государство народной демократии. Мы просто обязаны жить хорошо, чтобы другие народы Западной Европы нам завидовали».

Вот что говорят наши. А ваши, по слухам, в последнее время отвечают: «Ребята, у нас самих дела в экономике, мягко говоря, «нихт гут». Цены на нефть рухнули, денег нет, выкручивайтесь сами».

Герхард помолчал, сделал глоток безвкусного фильтрованного кофе и продолжал:

– После падения цен на нефть ваша страна и, соответственно, советские люди здорово обнищали. Да что там слышал – видел своими глазами. Недавно был в Советском Союзе по приглашению Союза писателей и посмотрелся на пустые полки в магазинах. Ясное дело, так долго продолжаться не может. Скоро и ваш, и наш народы взбунтуются. Как только ЦК КПСС перестанет давать деньги СЕПГ, вся социалистическая идеология полетит к черту.

Герхард отхлебнул еще кофе и повторил для ясности: «Цум тойфель», Лина поняла, что конец ГДР приближается со скоростью курьерского поезда.

Особняк в центре Москвы,

конец восьмидесятых

После командировки в ГДР Лину пригласил к себе зам. главного Аристарх Подколотный. Дверь в его кабинет всегда была открыта, и шеф редко пропускал проходивших мимо сотрудников, не задав какой-нибудь вопрос, а заодно не поинтересовавшись, куда, собственно, коллега направляется. Дело в том, что совсем рядом была дверь в кабинет главреда Груздачева, и Подколотный выполнял важную миссию, можно сказать, охранял границу, но в отличие от Степаныча и Петровой – от своих же сотрудников. Мышь не смогла бы проскользнуть в кабинет главного под строгим приглядом его зама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.